

ДОРОГА
БОГАТЫРЕЙ

Т Р У Д Р Е З Е Р В И З Д А Т 1949

Сергей Болдырев

ЗАГАДКА РАКЕТЫ „ИГЛА-2“

Глава I

БЕСПОКОЙНЫЕ ГОСТИ

Несломный, временами угасающий, гудящий звук определился в ущелье. На поляне, недалеко от светлых одноэтажных зданий горной обсерватории, невысокая девушка в легком спортивном платье, с открытой головой, быстро оглядела небо, стиснутое горами... Неужели самолет? Да, конечно, — с низа долины шел небольшой самолет вровень с верхушками желтоватых скалистых башен.

И оттого что машина летела между скал, и летела медленно, — так это еще было далеко, — с особой силой ощущалась огромность гор и долины, лежавшей ниже поляны. По противоположному склону хребта сползал зеленоватый, потрес-

кавшийся ледник. У подножья сглаженных льдом, мокрых черных скал лежала светлая зелень низкорослых берез и травы. Вниз по долине уходили темнозеленые еловые леса. Когда впервые попадаешь в горы, испытываешь трепет при взгляде на близкий ледник, на леса, на огромные скалы, которые можно охватить одним взглядом от зубчатых вершин до подножий... Девушка перевела взгляд с самолета на скалистые башни хребта. Откинув голову, сузив глаза, она медленно скользила взглядом по желтоватой стене, вздымавшей в небо. Никогда прежде она не представляла, что горы могут так волновать человека.

Молодой научный работник — физик, Ольга не так давно впервые приехала в глухой горный уголок на юго-востоке страны, где стояла обсерватория. Здесь, высоко в горах, надо было проделать опыты по изучению космических лучей, врывающихся в атмосферу земли из межзвездного пространства.

Все оборудование и приборы, необходимые для работ Ольги, были сброшены недавно с самолетов на парашютах на ту поляну, где сейчас находилась девушка. Неподалеку от нее все еще лежали собранные в кучу парашюты и упаковочные материалы, напоминающая ей о первой постигшей ее неудаче: приборы двух шаров-зондов новой конструкции, поднимавшиеся вчера вверх на огромную высоту, дали невероятно запутанные и явно ошибочные показания. Девушка так была огорчена этим непредвиденным происшествием, что сегодня весь день не могла взяться за дело и бесцельно бродила в окрестностях обсерватории.

И вот, возвращаясь домой, она увидела этот самолет...

Вскоре машина уже летела мимо поляны, вверх по долине. И вдруг совсем неожиданно самолет развернулся и направился прямо к поляне. Рев винта нарастал с большой быстротой, и одновременно увеличивались размеры машины. Вот уже можно различить колеса, поблескивающий колпак кабины пилота... Самолет несся прямо на Ольгу, на ящики с приборами и кучу парашютов. Она невольно нагнулась, и машина прошла очень низко, как показалось ей — над самыми ящиками, разметая воздушным вихрем упаковочные стружки и бумагу. Самолет сделал крутой разворот в ущелье и вновь пошел на поляну. Какой это сумасшедший пилот забавляется таким образом?

Машина прошла еще ниже, и Ольга даже присела — так оглушающе близко проревел винт самолета. Она невольно побежала вслед за самолетом, что-то крича от охватившей ее досады.

Она знала, что внизу, у подножий гор, в пустыне, был расположен какой-то институт с испытательным полигоном. Ма-

шины с полигона изредка появлялись в ущелье, неизвестно по каким делам, но всякий раз пролетали над обсерваторией на почтительной высоте. Только этот сумасшедший летчик, должно быть, тоже с полигона, вздумал позабавиться ее испугом. Ну, хорошо же, сегодня вечером она позвонит начальнику полигона и попросит наложить взыскание на этого «воздушного нахала»!

Пока Ольга обдумывала план мести, пилот начал вновь разворачивать машину, но на этот раз очень далеко, почти у скал противоположного склона долины. Уменьшившийся в размерах самолет на мгновение слился с желтоватым фоном морщинистых скал и, казалось, исчез из поля зрения девушки. Но это только казалось. Вскоре он вновь вырос в размерах, приближаясь к поляне. Винт шумел мягче, машина заметно планировала вниз: должно быть, пилот решил сесть на поляну — затея еще более вздорная, чем лететь над Ольгой на бреющем полете, потому что (она это отлично знала) ни один пилот никогда не решался садиться на поляне. Недаром ее грузы были сброшены с самолетов на парашютах, и, сделав это, пилоты трех машин покачали крыльями и сейчас же пошли вниз по долине — подальше от хаотического нагромождения скал и льда.

Самолет едва-едва перетянул через низкорослые березки, прилепившиеся на краю обрыва, резко пошел вниз и — о, чудо! — покатился по траве, подпрыгивая на неровностях почвы. Ольга, почти не отдавая себе отчета в том, что она делает, сорвалась с места и побежала к машине. Она настигла ее у самых стволов могучих тянь-шаньских елей, где самолет остановился как по команде (и очень во-время), и забарабанила в тонкую стенку фюзеляжа.

Колпак над кабиной пилота сдвинулся, и показалось потное, красное, длинноносое лицо летчика.

— Выходите сюда сейчас же, слышите? — крикнула Ольга, задыхаясь от быстрого бега и охватившего ее возбуждения.

— Любезная красотка, ничего не скажешь, — проворчал человек вверху. — Собираетесь выцарапать мне глаза?

— Это безобразие, понимаете? Нахальство летать таким образом...

— И садиться без спросу... — в тон Ольге насмешливо вставил пилот, все еще не слезая на землю и критически оглядывая девушку сверху.

Во второй кабине кто-то возился, выбираясь наружу, — видимо, на самолете был еще и пассажир.

— Вы могли разбить машину... И я еще посмотрю, как вы отсюда подыметесь! Будьте уверены, ваши фокусы сегодня станут известны начальнику полигона...

Упоминание о начальнике полигона, должно быть, пришлось незнакомцу не по душе. Он хмуро молчал, вытирая пот со лба, и поглядывал на Ольгу уже без насмешки. Тот, кто выбирался из второй кабины, спрыгнул на землю с противоположной стороны машины и появился перед Ольгой. Это был плотный крепкий человек. Должно быть, ему неудобно было сидеть в тесной кабине, и теперь он широко, чуть вразвалку шагал по траве, явно наслаждаясь свободой движений.

— Митя, что за шум? — спросил он пилота, поглядывая то вверх на своего товарища, то на девушку.

Во взгляде этого человека светилось добродушное веселье, словно все, что только сейчас они проделывали с самолетом, было просто милой шуткой с их стороны.

Ольга снова взорвалась:

— Я не знаю, кто вы такой, но если вы начальник этого... этого Мити, вы должны были бы запретить ему летать над моей головой ради забавы... И еще я хочу сказать...

Пилот, перекинув ногу через борт кабины, бесцеремонно вмешался в разговор:

— Вот что, детка, это вы скажете нам когда-нибудь после. — Он соскочил на землю и, выпрямившись перед Ольгой, спросил: — Где тут наше хозяйство?

— Это еще что за новости?

— Я видел с воздуха парашют. Где он лежит?

— С каких пор это стало вашим хозяйством?

— Не будем терять времени на споры. Покажите, где лежит парашют?

— Это уже слишком. Идите разыщите его сами, если вам так нужно, а затем садитесь на вашу мотоциклетку и немедленно убирайтесь с участка обсерватории.

Во время этой перепалки между девушкой и пилотом второй незнакомец стоял, свободно расставив ноги и, улыбаясь, нюхал сорванный одуванчик, словно все происходящее не имело к нему никакого отношения.

— О-хо-хо! — тяжело вздохнул пилот, покачивая головой и непримиримо оглядывая Ольгу с ног до головы.

Затем он отправился по поляне в поисках скрытого травой парашюта, увиденного им с воздуха.

— Крепко вы его разделили! — заметил незнакомец, когда пилот отошел, путаясь в высокой траве.

— Вас, кажется, все это очень забавляет?

— Вы интересная девушка...

— Только сейчас заметили?

— Давайте заключим мировую, идет? Вы что же, отдыхаете в этом райском уголке?

— Я изучала на обсерватории аппаратуру. Я инженер,— холодно сказала Ольга.

— Митя этого не знал, — сокрушенно покачал головой незнакомец.

Она подозрительно взглянула на собеседника — не соби-рался ли он посмеяться над ней, но тот продолжал с веселым добродушием:

— Я очень интересуюсь астрономией. Что же сейчас происходит в небе?

Ольга глядела на веселого сильного человека, и раздра-жение ее постепенно исчезало.

Глава 2

«ОНА НАШЛАСЬ»

Пилот шагал по поляне, высоко поднимая ноги, чтобы не застрять в длинных, прочных стеблях травы, и дивился поведе-нию своего друга — инженера Гусева. Казалось, Гусев не проявлял ни малейшего интереса к поискам пропавшей раке-ты, вчера поднявшейся с полигона в испытательный полет.

Гусев, конструктор нового летательного аппарата, во вре-мя поисков далеко залетевших испытательных ракет, набитых различными автоматическими приборами для записи условий полета, обычно нервничал, не находил себе места и успокаивался только тогда, когда он, Буров, или какой-нибудь другой пилот обнаруживал, наконец, в пустыне опустившуюся на автоматическом парашюте ракету. Пилот всегда разделял вол-нение своего друга: инженер работал над новой конструкцией реактивного аппарата, передвигающегося со скоростью пяти-шести тысяч километров в час и пригодного не только для помещения внутрь автоматически действующих приборов, но и людей. Каждая новая ракета с приборами-автоматами помо-гала конструктору уточнить какую-либо деталь, необходимую для постройки управляемой ракеты, в которой полетит чело-век. Создать такую ракету было мечтой Гусева, вполне, по его мнению, осуществимой. Однако директор института и испы-тательного полигона Смирнов требовал от Гусева все нового и нового уточнения различных технических данных, прежде чем приступать к конструированию ракеты для полетов лю-дей. Вот почему инженер с таким нетерпением ждал оконча-ния поисков каждой ракеты.

Но на этот раз конструктор вел себя странно. В день испытаний Буров ворвался к инженеру, как только стало изве-стно, что связь с ракетой внезапно оборвалась. Как обычно,

летчик предложил лететь на поиски вместе, но Гусев равнодушно отказался. Он согласился участвовать в поисках лишь сегодня, на второй день, и, казалось, не проявлял ни малейшего интереса к их результатам. Может быть, Гусев решил, что испытательные полеты с автоматикой не могут продолжаться бесконечно, и пора приступать к разработке ракеты для полетов людей? Может быть и так, но уж если ракета запущена, надо поинтересоваться, что с ней случилось.

И вот, полюбуйтесь, что происходит сейчас! Буров оглянулся назад и увидел девушку и своего друга, мирно беседующих у самолета. Наконец, после двухдневных поисков обнаружена ракета; он, Буров, буквально чудом сажает самолет на зеленый пятачок среди скал, а этот Гусев, даже и не подумает подойти к ракете. Какая-то вздорная девчонка интересуется его больше, чем счастливая находка.

Настроение пилота еще больше ухудшилось, когда он увидел, что белое пятно на поляне — вовсе не ракета с парашютом, а просто куча из нескольких грузовых парашютов, при помощи которых, видимо, спускали на поляну какие-то ящики.

— Ошибка, — сказал Буров, подходя к самолету, — там просто свалка грузовых парашютов... Сейчас сообразим, как отсюда спрыгнуть. — И он окинул взглядом полянку.

— Митя, мы как раз дожидались, когда ты вернешься, — весело объявил Гусев. — Пока ты будешь тут соображать, мы пойдем посмотреть обсерваторию. Директора я знаю, а это оказывается его дочь...

— Кто это «мы»? — прервал его Буров.

— Я и Ольга Николаевна. Кстати, познакомься...

Пилот пробормотал что-то несвязное и отправился вышагивать поляну, чтобы установить, как с нее подняться.

Когда через некоторое время Гусев и девушка вновь появились на поляне, пилот возился с мотором, чтобы как-то оправдать в своих собственных глазах это идиотское ожидание своего друга, хотя мотор был в полном порядке. Сдерживая бешенство, он сообщил, что нашел место для разбега и что эта прелестная полянка, в сущности, целая находка — настоящий естественный аэродром.

Гусев сказал девушке:

— Вот видите, это абсолютно безопасно. Кроме того, Митя — великолепный пилот. — И, обращаясь к Бурову, прибавил: — Мы немного покатаем Ольгу Николаевну над пустыней.

— Если я не помешаю вашему другу, — заметила девушка. Буров пожал плечами:

— Мне приходилось возить даже белых медведей на арктической линии.

Больше он не произнес ни единого слова. Он мастерски поднял машину в воздух и повел самолет над макушками деревьев к выходу из долины.

* *
*

Во время посещения обсерватории Гусев узнал от Ольги о неудачных полетах шаров-зондов и предложил ей поместить регистраторы лучей в одну из его ракет. Теперь, сидя в кабине самолета, они обсуждали, как это лучше всего проделать. Ольга сразу загорелась новой идеей — это давало ей возможность сравнить показания приборов, поднятых ракетой и шарами-зондами. У девушки стало как-то легче на душе, и скоро она почувствовала себя совсем просто и свободно с этим инженером. Они принялись следить через иллюминаторы за пейзажем, открывавшимся с самолета, и Ольга то и дело спрашивала инженера о том, как называется вновь показавшаяся под самолетом долина или куда ведет дорога.

С севера к самым предгорьям подступала огромная, местами чуть всхолмленная пустынная равнина, то красноватая, там где была глинистая почва, то покрытая снежными пятнами солончаков, то монотонно-серая сложенная из лесса. В центре этой пустыни к северо-западу от горного хребта были расположены институт и полигон. Пустыня была самой настоящей — безводной и безлюдной. Кое-где здесь стояли остатки глиняных городов древности, представлявших с воздуха правильно расчерченными прямоугольниками внешних стен. Когда-то, много веков назад, в этих местах бурлила жизнь, шумела листва садов, а теперь кривые линии оросительных каналов едва лишь проступали кое-где поблизости от мертвых городов и вскоре терялись в песках. Где-то к юго-востоку, километров за пятьсот от полигона, началось великое наступление на пустыню — там рыли несколько огромных каналов, шумели машины, работали десятки тысяч людей. Рано или поздно полигон придется переносить куда-нибудь в более дикое местечко, но пока оросительные работы производились еще на изрядном расстоянии, можно было безбоязненно заниматься опытами с ракетами: спускаясь на землю, они ни в кого не могли угодить в этой пустыне.

Вынырнув из ущелья, самолет пошел над равниной, теряющей в лиловой дымке.

Внизу под машиной показались остатки одного из древних городов. День клонился уже к вечеру, и каждый бугорок и камень на поверхности земли отбрасывал длинные резкие те-

ни. Днем, когда солнце стоит над головой, этот город был бы почти невидим с высоты двух тысяч метров, но теперь под самолетом лежал абсолютно четко вырисованный тенью квадрат крепостных стен, расчерченный улицами и переулками. Буров знал, что среди этих теней, отбрасываемых стенами построек, можно не заметить парашюта и ракеты. Однажды так и случилось — вечером он ничего не нашел, потому что, как потом оказалось, ракета лежала в тени стены какой-то развалившейся башни. Только случайно, пролетая над этим же местом днем, он увидел ракету.

Пилот на всякий случай снизил машину и сделал круг над развалинами. Неожиданно в заднюю переборку постучали: два удара — условный знак «садись». Неужели Гусев заметил что-то внизу?

Машина пошла на посадку и скоро остановилась на твердой красноватой площадке, неподалеку от развалин. Буров сдвинул прозрачный колпак и приподнялся. Его друг тоже высунулся из пассажирской кабины.

— Что случилось? — крикнул пилот, стараясь перекрыть шум все еще работающего мотора.

— Мы хотим погулять, — ответил инженер, — пять минут, не больше. — И он растопырил пальцы. — Занятные развалины, правда?

Это было уже слишком. Буров одним движением перемахнул из кабины на крыло и соскочил на твердую глинистую почву, усыпанную острыми камешками. Он сорвал перчатку с руки с таким остервенением, словно там сидел скорпион, и сразмаху бросил ее в глину.

— К черту, — заорал он, срывая вторую перчатку, — я не рикша! Катайтесь сами.

Он стянул с головы шлем, замахнулся было, но опустил шлем на землю с неожиданной бережностью, — явно пожалел гнутые стекла очков. Потом сунул руки в карманы и зашагал прочь от самолета по глиняной равнине, прихрамывая, когда под мягкими подошвами теплых пилотских сапог оказывались острые камешки.

Ольга болезненно морщилась от горячего ветра, тянувшего с гор, и с тревожным любопытством оглядывала пустыню. Мир был написан тремя красками: зелено-синей — небо, рыжей — развалины и земля, и почти черной — тени. Светлое небо только еще больше подчеркивало мрачные краски земли.

— Что же теперь делать? — спросила Ольга.

— Посмотрим развалины.

— А как же ваш Митя?

— Нагоним, — невозмутимо сказал инженер.

Пилот отошел уже довольно далеко, когда услышал за спиной рев винта. Оглянувшись, он увидел, что самолет сметая камешки и песок воздушным вихрем, катится по земле. Буров посторонился, но машина повернула и пошла прямо на него. Увертываться было глупо. Он вскочил на крыло и, дождавшись, пока Гусев перебрался в пассажирскую кабину, занял свое место. Шлема и рукавиц не было. Сдерживая ярость пилот посидел в кабине несколько минут, борясь с желанием снова выскочить на землю, потом повернул машину и покатил к месту посадки за своими вещами. Он прекрасно понимал, что Гусев заставил его нарочно совершить это обратное путешествие на колесах в наказание за его вспышку. Дружеские отношения между ними установились давно, и тем не менее инженер не пропускал ни одного случая, чтобы не приняться «вытравливать беса» в те моменты, когда Буров во время внезапных вспышек терял власть над самим собой. «Если хочешь когда-нибудь стать первым пилотом, управляющим ракетой, — частенько говорил он, — ломай свой характер. Будет жив в тебе бес, не подпуссу к ракете».

И все-таки на этот раз Буров не до конца переломил себя. Подкатив к своим вещам, он выключил мотор, устроился поудобнее, положив локоть на борт кабины, и закурил папиросу. Спешить ему было некуда, пусть пассажиры подождут, когда он соблаговолит сойти на землю.

Гусев, должно быть, предвидел этот маневр, потому что, едва мотор замолк, спрыгнул на землю и поднял шлем и перчатки.

Пилот в это время, откинувшись на спинку кресла, выпускал затейливые колечки синего дыма и поглядывал вправо на развалины. И вдруг он резко выпрямился — ему показалось, что невдалеке, у подножья словно растекшейся по земле развалины, некогда представлявшей собой башню, виднеется светлое пятно. Ну да, конечно же, это парашют! Теперь ошибки быть не могло. Он выскочил из машины и побежал к развалинам.

Вскоре он вновь появился около самолета.

— Алеша, нашлась, — радостно крикнул он еще издали.

Гусев быстро повернулся к подбегающему другу.

— Она нашлась, — торопливо говорил Буров, — лежит там, под стеной, правда, маленько потрепанная... досталось ей на-верное при спуске, но все-таки целехонька.

И вдруг он заметил тревогу во взгляде друга — да, именно встревоженность. В первый момент Буров не придавал этому значения. Лишь восстанавливая позднее в памяти все непонятное в поведении друга в эти дни, он вспомнил и это неожиданное выражение почти испуга.

— Не может быть! — чуть хриповато сказал Гусев и как-то неестественно, словно через силу, рассмеялся. — Да ты подходил к ней?

— Я трогал ее, понимаешь, ощупал, потому что сначала тоже не поверил.

— Чепуха, — сказал Гусев, соскакивая с крыла и направляясь к развалинам. — Не может быть! Не верю я тебе...

Пилот на ходу пристально взглянул на инженера: почему «чепуха», почему «не может быть»?

Мелкие капли пота блестели на лбу Гусева.

Они одновременно достигли места, где под стеной лежал длинный, похожий на громадную иглу корпус ракеты, пробитый и помятый во многих местах, и рядом — посеревший от пыли скомканный шелковый парашют. Только когда люди приблизились к ракете, можно было понять ее размеры — диаметр ракеты раза в полтора превышал человеческий рост. Последние шаги Гусев проделал бегом и быстро заглянул в пробоину. Положительно последнее время невозможно было понять этого человека: то он проявлял величайшее равнодушие к поискам исчезнувшей ракеты, то вдруг, когда ракета нашлась, и не думал радоваться...

Гусев выпрямился, лицо его было красным, потным, губы прыгали — его душил смех.

— Что там? — дико поглядев на друга, спросил пилот.

Он сам заглянул в пробоину и увидел, как где-то в конце корпуса ракеты в другую брешь пробивается свет и отражается в полированных стенках светлыми кольцами.

Ракета была пуста. Там не было ни одного прибора из числа тех, что обычно доотказа забивали ее брюхо. Ни одного!

Наконец инженер пришел в себя настолько, что мог говорить.

— Митя, ведь это же другая ракета. Как ты мог забыть?

Буров быстро оглядел развалины. Несомненно, он бывал здесь и раньше. В самом деле, как он мог забыть? Это была та злополучная ракета, над которой он пролетал месяца четыре назад, не заметив в тени стены, а потом случайно обнаружил. Ну, конечно, он сам вытащил тогда все ее потроха — то, что осталось от приборов, основательно поврежденных при неудачном спуске. А корпус, помятый и поломанный во многих местах, должны были перевезти на полигон. Пока он все еще валялся под стеной.

Пилот выругался — прямо какое-то наваждение, уже дважды он попадает сегодня впросак.

— Я же тебе говорил — не может быть, — заметил Гусев прежним веселым и безмятежным тоном.

— Почему не может быть? — обозлился Буров. — Ты говоришь так, точно заранее знаешь, что мы ее не найдем.

Инженер заявил, что за последнее время Буров придирается к нему и что это ему надоело. Затем они отправились к самолету.

Пилот был молчалив и упорно не желал отвечать на шутки друга. Хмуро включил он мотор и уселся поудобнее.

К ущелью они подлетали уже под вечер. Пилот мастерски посадил машину на поляну и не стал выключать мотор, пока девушка выбиралась из кабины.

Мешкать на поляне не приходилось: солнце было где-то у горизонта, долина, окутанная холодной предвечерней тенью, потемнела, потеряла подробности, и только вершины скал ярко желтели на зеленоватом небе.

Подняв машину в воздух, пилот не стал делать прощального круга — пошел на выход из долины почти бредущим полетом.

Глава 3

ТАИНСТВЕННЫЕ ЛУЧИ

В горах Ольга должна была произвести лишь очень небольшую часть исследовательских работ, которые велись в институте космических лучей. Это была первая ее самостоятельная работа, и поэтому, пожалуй, только теперь, столкнувшись с трудностями, встающими на пути исследователей космических лучей, девушка начала понимать, какой беспокойный путь избрала себе в жизни. Она вновь и вновь восстанавливала в памяти историю обнаружения и исследования загадочных лучей, представлявшую собой цепь неожиданных, неудач, удивительных открытий, и чем больше она вспоминала различные истории, споры, ошибки ученых в этой области, тем упорнее хотелось ей идти этим же трудным путем, не отступая перед препятствиями. Космические лучи¹, эти элементарные частицы вещества, обладают такими необыкновенными свойствами, что раскрыть их тайну, это значит подняться еще на одну ступеньку в познании природы и, наверное, овладеть новыми ее силами.

Прежде всего эти частицы обладают чудовищными энергиями. Если бы даже небольшая часть солнечного излучения состояла из космических лучей, то, по расчету, она мгновен-

---

¹) Космические лучи, история исследования которых здесь кратко рассказывается, существуют в действительности.

но превращала бы в пар самые тугоплавкие вещества. Эта энергия так велика, что ученые не в состоянии даже представить себе те источники, которые могли породить ее. А ведь уже несколько десятилетий ведутся исследования космических лучей.

Впервые об их существовании стали догадываться в начале двадцатого века.

В 1909 году один из физиков решил доказать, что в верхних слоях атмосферы нет ионизации, то есть электризации воздуха, возникающей, как он считал, под влиянием радиоактивных веществ, испускающих быстро летящие заряженные электричеством частицы. С риском для жизни ученый поднялся на воздушном шаре до четырех с половиной тысяч километров. И чем выше он поднимался, чем более отдалялся от земли и содержащихся в ее коре радиоактивных веществ... тем больше становилась ионизация воздуха. Это было так невероятно, что некоторые не верили сообщению физика.

Вверх полетели новые аэростаты с исследователями и приборами в своих гондолах. Все выше и выше в атмосферу проникали люди, и когда они подошли к «потолку», — техника того времени ни в состоянии была помочь человеку преодолеть большую высоту, — вверх начали поднимать одни приборы, подвешенные к шарам-зондам. Они автоматически записывали свои показания или передавали их по радио.

В 1922 году такие приборы взлетели до рекордной для того времени высоты в пятнадцать с половиной тысяч метров и отметили, что ионизация воздуха на этой высоте намного больше, чем на уровне моря. Сомнений не оставалось — вверху действовали какие-то неведомые силы, какие-то «лучи», подобно радиоактивным излучениям земных веществ, электризовавшие воздух.

С каждым годом все больше и больше накапливалось различных новых фактов о свойствах космических лучей. И вот не так уж давно один из советских физиков обнаружил одну из самых удивительных особенностей лучей. Ученый помногу часов летал в самолете на значительной высоте с особыми толстослойными фотопластинками, обернутыми в черную бумагу. Свет не мог воздействовать на эти пластинки, но космические лучи, свободно проходя через бумагу, должны были пронизывать и фотопластинки. И вот оказалось, что космические частицы обладают такими огромными энергиями, что, влетая в пластинки, «вдребезги» разрушают атомы брома и серебра — веществ, из которых состоит эмульсия фотопластинок.

Из года в год упорно поднимались с приборами на одну из вершин Кавказа советские физики. И вот им удалось сделать новое крупнейшее открытие: их приборы зарегистрировали до того неведомые частицы с различными массами и электрическими зарядами, названные варитронами. Эти частицы совсем не были похожи на ранее известные, из которых, по мнению ученых, построены атомы всех веществ.

Но что же такое первичные космические лучи, то есть частицы, влетающие в пределы земной атмосферы из межзвездного пространства?

Как же все-таки найти первичные «настоящие» космические лучи?

В институте, где работала Ольга, решалась как раз эта задача. Ольга входила в одну из групп молодых советских физиков, уже несколько лет разрабатывавших новые приборы для регистрации космических лучей, отличавшиеся необычайной чувствительностью и точностью. Она вошла в этот небольшой коллектив ученых совсем недавно, после завершения своего образования. Ее привлекали сюда и таинственность, окружавшая «лучи», и препятствия, которые надо было преодолевать на каждом шагу. Она представляла себе свою работу в виде цепи неожиданных приключений и удивительных открытий. Ведь охотники за космическими лучами поднимались в стратосферу, забирались под землю, погружали свои приборы в горные озера. Они умели «увидеть» с помощью приборов бесконечно малые части атомов — протоны, электроны и другие элементарные частицы. Все это казалось Ольге необычайным и привлекательным. Но когда она сама взялась за дело, то оказалось, что жизнь исследователей космических лучей наполнена многими, подчас удручающими человека, неудачами, кропотливой работой в лаборатории, сложными математическими вычислениями. Это была будничная жизнь тружеников науки, мало похожая на романтические представления Ольги о легкости научных приключений и блистательных открытий.

В действительности даже самое незначительное открытие, новые данные о лучах давались ценой тяжелого труда. Как все это было далеко от ее мечтаний!

И вот здесь в горах, когда она оказалась одна (ей поручили провести первую самостоятельную работу), девушка, пожалуй, впервые поняла, как тяжел тот путь, который она избрала себе в жизни.

Шар-пилот, казалось, исправно выполнил свое назначение— поднялся на очень большую высоту и опустился обратно. Но уже тогда, когда она читала записанные на ленте показания его приборов, передаваемые по радио автоматически действующим на шаре передатчиком, она поняла, что там происходит что-то неладное. Все цифры были перепутаны, сигналы носили какой-то сумбурный, хаотический характер.

Когда шар опустился с помощью миниатюрного радиолокатора и автопилота и был вскоре доставлен к месту старта и Ольга вскрыла приборы, опасения ее подтвердились: записи их показаний на лентах были также необъяснимо запутаны, и разобраться здесь не было никакой возможности. Механизмы некоторых приборов оказались испорченными, и Ольга предположила, что шар, видимо, на очень большой высоте попал в какие-то необычайные условия, вызвавшие механические повреждения приборов.

Вслед за первым шаром полетел второй, но и здесь произошло почти то же самое. Эти две неудачи, следовавшие одна за другой, как-то даже оглушили девушку. Долго готовиться в Москве, ехать за тысячи километров, и все это только для того, чтобы потерпеть полную и, казалось, необъяснимую неудачу. Такого исхода своей поездки Ольга никак не ожидала.

Нельзя сказать, чтобы в горах Ольга осталась без всякого дружеского участия. Она выбрала местом своих работ именно эту высокогорную обсерваторию потому, что здесь работал ее отец.

Когда ей предложили заняться самостоятельной работой в горах, Ольга сейчас же подумала о том, что надо поехать к отцу. Опытный астроном, он мог посоветовать Ольге как лучше всего провести эксперименты, и это намного облегчит выполнение задания.

Географически район был вполне подходящим. Да и старик, страдавший тяжелой болезнью, обрадуется встрече с ней.

Отец, директор обсерватории, и в самом деле сделал все необходимое, чтобы помочь Ольге. Он живо интересовался ее работами, старался вдохнуть в нее веру в успех дела, но как-то так получилось, что после первого неудачного полета шара-зонда, отец оказался занят какими-то наблюдениями на обсерватории. Они стали встречаться редко, и отец лишь изредка интересовался ее шарами.

Только после встречи с Гусевым, заручившись его согласием «пристроить» регистраторы космических лучей в ракете, Ольга почувствовала себя спокойнее. Пусть даже и эти будущие полеты приборов в ракетах не принесут желаемых результатов. По крайней мере удастся исключить те причины неудач, которые путали показания приборов шаров: ведь ракеты менее подвержены внешним влияниям, они значительно прочнее, совершеннее шаров. Она знала, что ракеты уже использовались для изучения космических лучей, и это не дало каких-либо исключительных результатов. Но ведь то были полеты ракет со старыми приборами; теперь же можно было поместить в летательный аппарат более совершенные регистраторы лучей. Так или иначе, она не будет сидеть здесь без дела и не поедет в Москву с пустыми руками.

Проводив самолет, девушка направилась к зданиям обсерватории, светлевшим среди темных плотных крон буков. Она не ощущала больше в душе тягостной пустоты, рожденной неверием в свои силы. Пусть ее постигла неудача, — она будет работать, работать... И когда-нибудь придет успех... И уж, наверное, не век же ей ждать этого успеха. Надо сейчас же просмотреть запасный комплект аппаратуры, подготовить его к рейсу в ракете.

Ольга почти вбежала на террасу, стремительно распахнула застекленную дверь: где отец? Она должна рассказать ему о своих планах.

Девушка обежала все комнаты — никого! Вот лежит на пестрой кушетке развернутая книга — еще вчера отец читал ее, и она так и осталась. А вот стакан в тяжелом серебрянном подстаканнике с недопитым чаем. Отец поставил его на письменный стол и, прохаживаясь по кабинету, отпивал чай маленькими глотками, как он это любил делать. Стакан тоже не тронут, стоит посреди стола на кипе исписанных бумаг. Неужели отец не возвращался сюда из помещения обсерватории с тех пор, как вчера вечером отправился на наблюдение? Утром Ольга, огорченная своей неудачей, не поинтересовалась, где он, и вот двадцать с лишним часов он сидит около своих астрономических приборов. Ведь при таком режиме работы он не долго протянет.

Ольге было известно от докторов, что отец тяжело болен, недуг его неизлечим, и все же она не могла примириться с этой мыслью. «Олюшка, не мешай мне трудиться», — отвечал ей отец, когда она пыталась говорить о лечении. Беспредельно увлеченный своим делом, он был вечно чем-нибудь занят, и с ним совершенно невозможно было говорить о вещах, не отно-

сящихся прямо к его работе. Если кто-нибудь так или иначе мешал ему, старик обычно мягкий, любивший посмеяться и пошутить, превращался в молчаливого, раздражительного человека со встрепанной седой шевелюрой и обмякшим желтым лицом,

И все же с того дня, когда Ольга неожиданно появилась на обсерватории, она не переставала убеждать отца на время бросить работу. Только последние дни, занятая горькими переживаниями, девушка как-то незаметно обособилась.

Теперь она принялась укорять себя в эгоизме; ей казалось, что это она виновата в том, что отец ведет себя так безрассудно. С его здоровьем почти сутки не отдыхать — нет это уже слишком! Но, может быть, что-нибудь случилось на обсерватории?

Девушка направилась к главному зданию; отец мог быть только там.

В главном корпусе мало знакомому с помещением человеку можно было легко заблудиться среди различных помещений с аппаратурой. На обсерватории находились не только оптические приборы, но и новейшие радиоаппараты, для работы которых требовалась электроэнергия.

Обсерватория напоминала обширный институт с электростанциями, радиоаппаратами. Ольга переходила из комнаты в комнату, стараясь поскорее добраться до главного зала. Все здесь жило — горели лампы мощных ультракоротковолновых генераторов, почти беззвучно работали электромоторы и динамомашинны, за пультами управления сидели техники. Это означало, что приборы главного зала были включены, в зале велись наблюдения.

Когда Ольга, приоткрыв две тяжелых двери, проникла в затемненный главный зал, она увидела сгорбленную фигуру отца около экрана мощного радиолокатора новой конструкции, получившего название радиотелескопа.

Старик сидел в кресле, навалившись грудью на стол перед круглым экраном, похожим на огромный иллюминатор. Экран излучал слабый синеватый свет, напоминающий свет ночного неба, и это еще более усиливало впечатление окна в пространство.

Склонившись над бумагами, освещенными лампочкой с глухим абажуром, старик что-то вычислял. Его седые волосы были спутаны, лицо как-то пожелтело и, казалось, припухло. Он мельком взглянул на девушку из-под приспущенных морщинистых век и указал желтым карандашом на кресло рядом.

Кончив вычислять, он долго, нахмурившись, смотрел слезящимися от усталости глазами на лист бумаги, испещренный формулами.

— Это так необычайно, — неожиданно сказал он, поворачиваясь к дочери, — так необычайно, Олюшка, что я боюсь не ошибка ли...

Ольга молча смотрела в усталое старческое лицо. Только сейчас она заметила, как странно напряжен взгляд отца, как нездорово блестят его глаза.

Он пришел сюда сутки назад с тем, чтобы при помощи радиотелескопа наблюдать за полетом ее шаров-пилотов. Но полеты давным давно окончились, а отец все еще сидит у своих приборов.

— Не ошибка ли? — повторил он, и вопросительно взглянул на Ольгу.

— Что, папа? — тихо спросила девушка.

Старик не ответил. Он снова углубился в свои записи, строго сведя редкие светлые волосики бровей.

Неожиданно, словно стряхнув оцепенение, он резким движением потянулся к пульту управления и повернул рычажок с надписью «выключено». Экран радиотелескопа сразу перестал быть похожим на иллюминатор — погас. Вспыхнули верхние лампы, мягко осветив большой круглый зал, заполненный тяжелыми, громоздкими астрономическими приборами.

Он подошел к дочери и взял ее за обе руки.

— Или твой отец — невероятный путанник, — тепло усмехаясь, сказал старик, — или действительно произошло необыкновенное...

Ольга, потянувшись к отцу, поцеловала его в колючую небритую щеку:

— Скажи, что же это такое...

Он отрицательно покачал головой:

— Надо еще раз проверить, это выглядит слишком фантастично...

Он медленно провел узловатой морщинистой рукой по глазам, и Ольга вдруг поняла, как он устал.

— Ты не спал все это время? — с горечью спросила она, — зачем так изводить себя?

Старик сказал недовольным голосом:

— Идем, Олюшка, домой. Через шесть часов мне опять надо быть здесь...

ГДЕ ЖЕ, ВСЕ ТАКИ, РАКЕТА?

С утра до вечера Буров летал в поисках белого пятна парашюта и каждый раз возвращался на полигон усталый и злой — нигде в пустыне нельзя было обнаружить ни малейших следов исчезнувшей ракеты. Оставалось предположить, что ракета взорвалась в воздухе, либо у нее испортился механизм управления, и она упала где-то очень далеко.

Подобные случаи бывали и в прошлом. Некоторые ракеты приходилось искать неделями. Они улетали на расстояния, не предусмотренные никакими расчетами. В чем тут было дело, так и оставалось неясным. Автоматическая аппаратура в избытке наполнявшая корпус ракеты, не могла дать на это точного ответа. Правда, такие происшествия случались очень редко. Но когда аппарат выходил из повиновения, его можно было найти и за сто и за триста километров от полигона.

Гусев попрежнему не обращал внимания на поиски ракеты. До пилота доходили слухи о том, что инженер подготавливает к полету новую ракету. Не было времени зайти в сборочные цехи и подробнее узнать, что там делается. Пилот считал своим долгом во что бы то ни стало разыскать ракету. Он не будет иметь покоя, пока не увидит парашют среди песков или окончательно не удостоверится, что ракета взорвалась.

К вечеру он так уставал от полетов, что сразу же укладывался спать. С рассветом он был уже около самолета, и торопился техников с заправкой или очередной технической проверкой машины. В эти минуты никому не было охоты перечить молчаливому, крепко сбитому пилоту, с загорелым лицом и выцветшими на солнце бровями. Техники бегом подкатывали бочки с бензином, так же бегом летели к ангару за каким-либо инструментом.

— Мудрите, ребятки, — как то утром сдержанно заметил пилот, — выходит — ночи для вас было мало...

— Моментом, Дмитрий Васильевич, — торопливо сказал самый молодой из техников Вася Крайнов, — сейчас представим птичку в ваши руки...

Вася готов был выполнять для пилота самую трудную работу, он считал его большим авторитетом в авиационных и житейских делах. Слово Бурова было для Васи законом. Он слышал много историй, ходивших среди летного состава полигона, о боевых подвигах пилота во время Отечественной войны. Паренька подкупала простота боевого летчика, его способность быть на короткой ноге с людьми самых различных положений. Вася давно уже решил стать летчиком. Он упрямился

пилота учить его летному делу и за несколько месяцев успел сделать немало, заслужив похвалу Бурова.

Но в те минуты, когда самолет готовился к отправке, Вася был всего лишь младшим техником.

— Василий, — строго позвал Буров, — надо готовить самолет с вечера, понятно?

Вася, одетый в перемазанный комбинезон, оставил бочку, вытянулся, смущенно усмехнулся:

— Когда ж, Дмитрий Васильевич, готовить? Вы летаете в упор до темноты.

— Проекторы себе заведите, Ночь-то длинная.

— Есть, проекторы завести, — с готовностью согласился Вася.

Наперекор неудачам, Буров решил использовать для полетов все светлое время от зари до зари.

...И в этот же день с заходом солнца, опустившись на аэродром, пилот узнал от Васи, что к ним в поселок приехала девушка «вот на таковских каблучках» — Вася отмерил на крыле самолета сантиметров двадцать перемазанными маслом пальцами. Из дальнейших расспросов пилот понял, что на полигоне появилась Ольга. Горькая обида вновь овладела им, — он мучается целыми днями, а его друг даже не поинтересуется результатами поисков. А теперь Алексею, пожалуй, совсем не будет дела до исчезнувшей ракеты.

* *

*

Те несколько часов, которые Ольга провела в обществе Гусева в горах и на самолете, внесли в ее жизнь что-то новое. Ей было хорошо и просто с этим спокойным человеком, который никогда не стремился говорить то, что должно было понравиться собеседнику.

И когда она собиралась ехать на полигон, она с радостью думала о встрече с инженером: что-то в нем напоминало товарищей по институту. Ольге казалось, что ей будет легче на полигоне, даже если и там начнутся неудачи.

Всеми правдами и неправдами Ольга добилась от отца обещания не меньше восьми часов спать, во-время есть и, подготавлив запасный комплект аппаратуры, уехала на полигон. Через несколько часов езды в автомобиле, сначала по горной дороге, а затем пыльной выжженной степью, постепенно переходившей в песчаную пустыню, Ольга очутилась в поселке.

Молодые люди встретились как давно знакомые товарищи. Они зашагали нога в ногу по улице поселка и незаметно для себя пересекли весь его и оказались рядом с испытательным полем двигателей. Они шли по асфальтированной дороге, с

боков которой трепетали и стелились по земле побелевшие на ветру, высушенные солнцем пыльные травинки. Молодые люди поднялись на едва заметный холмик, и когда по другую сторону открылась даль, Ольга, внезапно замолчав, остановилась.

Перед ними простиралась бурая равнина, на краю которой протянулись фиолетовые вечерние силуэты гор. Между горами и тем местом, где стояли они, определялся темный, казалось выгоревший, квадрат с крохотными коробочками одноэтажных домиков — ракетодром. Поодаль от домов возвышалась гладкая, отблескивающая на солнце странная стальная башня, оканчивающаяся необычно вытянутым, отточенным как острие иглы, конусом. Башня эта сама по себе казалась отсюда небольшой, она как бы терялась среди разбежавшейся до самых гор равнины. Но когда необычайное сооружение разглядывали в сравнении с коробками рядом стоявших домиков, оно словно росло на глазах. На вопрос Ольги Гусев сказал, что это ракета, поставленная на хвост вертикально вверх. Девушка никогда не видела ионосферных ракет Гуссва и теперь была поражена размерами летательного аппарата — по всей вероятности, высота его достигала шести-семиэтажного дома.

Справа, значительно ближе к ним, неподалеку от застекленного здания, похожего на ангар, на высоких металлических козлах были укреплены какие-то сигарообразные аппараты.

Ольга хотела спросить, что это такое, как вдруг клокочущая огненная струя вырвалась из одного такого аппарата. Вначале это был сравнительно короткий язык красноватого пламени. Но вот он начал вытягиваться, сужаться, превратился в огневой вихрь. Клокотанье переросло в грохот, и этот звук повис над пустыней, поглощая все остальные шумы и голоса. Пламя яростно хлестало, жадно вытягивалось, словно стремясь подобраться ближе к застекленному цеху.

— Испытания нового двигателя, — прокричал инженер в самое ухо Ольги.

Она стояла оглушенная, ошеломленная и не могла отвести взгляд от ревущего пламени. Так вот какой могучей и непокорной силой повелевал стоящий рядом с ней спокойный и сильный человек. И вдруг она подумала, что он еще не до конца властвует над этой силой; она уже слышала, что конструкцию ракет надо совершенствовать.

Когда пламя угасло, они пошли обратно в поселок. И теперь Ольга была молчалива. Она думала о том, сколько тревожных дней было и еще будет в жизни этого инженера — ведь он хочет сам летать в ракете, которую будет двигать та пла-

менная струя. И она была уверена, что рано или поздно он осуществит задуманное.

И когда Алексей, заметив ее задумчивость, также замолчал, а потом, как-то вдруг прямо и открыто взглянув на нее, спросил, о чем она думает, девушка робко ответила:

— Не знаю, что вам сказать...

— А я знаю, — неожиданно объявил он.

И оба они рассмеялись и снова, горячо заговорив, пошли дальше. И тогда ей показалось, что впереди все будет хорошо.

Потом они несколько дней работали вместе над чертежами новой установки в ракете — с приборами для регистрации космических лучей. Ольга ежедневно стала появляться в цехах, следя за изготовлением необходимых приспособлений.

К вечеру, окончив все дела в конструкторской и в мастерских, они садились в машину и отправлялись в пустыню.

Прошло еще несколько дней в бесплодных поисках аппарата инженера Гусева.

Вначале Ольга находилась в состоянии радостного оживления. Ей казалось, что теперь ее работа будет выполнена без особых затруднений. Надо только дождаться полета ракеты с приборами.

Но чем дольше жила она на полигоне в ожидании опытов с ракетой, чем больше знакомилась с жизнью института, тем все чаще задумывалась над вопросом, необычайно волновавшим ее. Из разговоров с Гусевым, из услышанных ею в цехах споров она поняла, что здесь, в этом институте среди пустыни, поиски людей не менее напряженны, чем там, где работала она. В горах после первых неудач ей начало казаться, что избранная ею отрасль науки особенно сложна и запутана. Теперь же она начинала понимать, что и здесь, в пустыне, люди упорно бьются над разрешением тайн ракетных полетов и очень часто останавливаются перед какой-нибудь загадкой. Одной из таких загадок было, например, исчезновение ракеты.

Однажды Гусев сказал ей, что идея использовать ракету для окончательного раскрытия тайны «настоящих», первичных, космических лучей, пожалуй, будет способствовать осуществлению давно задуманного им плана — лететь самому в ракете. Ведь решение проблемы космических лучей очень важно для науки, ради этого могут согласиться на риск полета человека в ракете, тем более, что по мнению его, Гусева, риск не так уж велик.

После этого разговора Ольга вдруг вспомнила картину работающих реактивных двигателей, увиденную в день ее прибытия на полигоне, и то чувство, которое тогда охватило ее. Через тяжелые испытания решил пройти Гусев. Откуда у

него столько сил? Она вспомнила, каким ударом были для нее неудачи с шарами-зондами. Но ведь эти и дальнейшие ее работы никак не связаны с личным риском для нее. А здесь неизвестно куда исчезла ракета, и этот спокойный сильный человек все-таки говорит, что самое заветное его желание лететь в ракете самому. Ольга убеждала себя, что она должна до конца разобраться во всем этом, понять те чувства, которые руководят инженером. Она, молодой, едва начинающий свой путь исследователь, должна все это понять, чтобы суметь так же как и он мужественно встречать неудачи, не падать духом в самые критические минуты. Она чувствовала, что сейчас столкнулась с самой жизнью, и хотела учиться у этой невыдуманной, неприкрашенной жизни, чтобы стать сильнее в борьбе.

И еще она чувствовала, что в надвигающихся событиях она не останется посторонним наблюдателем. Гусев сказал, что исследования космических лучей помогут ему добиться разрешения на полет в ракете. И ей становилось немного страшно от всего этого: столько здесь споров об этих полетах, столько разных мнений, и вот приехала она и помимо воли еще больше обострила события со своими космическими лучами. Может быть, и в самом деле идея Гусева слишком необдуманна, опасна!

Когда Ольга впервые услышала о планах Гусева, она восторженно приветствовала их. Осуществить то, о чем когда-то мечтал Циолковский, совершить перелет, о котором говорил Чкалов, — это было дерзко и смело. Но теперь Ольгу охватила тревога: разве мало ему того, что ракеты забираются на огромную высоту и автоматически передают по радио обо всем, что там происходит? Минуют годы, техника продвинется вперед, — и тогда люди полетят вокруг земного шара на огромной высоте с невиданной скоростью. Но сейчас еще слишком рано...

Раздумывая так, она с душевным трепетом вспоминала о том, что вот одна из ракет исчезла, словно растворилась в воздухе, как бы превратилась в ничто, и люди даже не в состоянии объяснить, как это могло случиться.

И тогда стремление разобраться во всем происходящем, понять смысл событий, понять внутренний мир Гусева заставило девушку подробно ознакомиться с конструкцией ракеты. Она с новым особенным интересом проводила многие часы в сборочных цехах, расспрашивая инженеров и техников о всех деталях устройства аппарата.

Ракета в собранном виде представляла собой необычайно вытянутую сигару с остро отточенным носом. Эта форма и

подавала мысль назвать ракету «Иглой». Правда «Игла» была необыкновенных размеров, длиной почти три десятка метров. С внешней стороны корпус «Иглы» был отполирован до зеркального блеска для того, чтобы уменьшить трение о воздух и нагревание аппарата.

Летательный аппарат был оборудован особыми устройствами, предохранявшими его от столкновения с метеоритами и защищавшими от возможного на больших высотах нежелательного воздействия космических лучей. В носовой части ракеты располагались приборы для изучения верхних слоев атмосферы. Здесь предполагалось установить новые регистраторы космических лучей, привезенные Ольгой. В этом же отсеке помещались приборы, автоматически управлявшие полетом ракеты.

Вслед за носовой камерой располагалось помещение, где должны были в будущем находиться пилоты «Иглы». Ольга особенно внимательно изучала чертежи этой части ракеты (очередной аппарат еще не был собран, и поэтому приходилось пока что ограничиться знакомством с чертежами). Это было значительных размеров помещение, где могли свободно разместиться два-три человека. В стенках отсека имелись иллюминаторы с жаростойкими толстыми стеклами. На небольшом пульте, вделанном в переборку, размещались сигнальные лампочки и кнопки, с помощью которых когда-нибудь отважный пилот будет управлять этим скоростным кораблем.

Все остальные части корпуса занимал двигатель и запасы топлива. Гусев применил на своей ракете реактивный двигатель самой последней конструкции. От прежних типов он отличался не новым принципом действия, а тем, что в нем использовался особый вид топлива, вошедший в употребление совсем недавно. Во время сгорания этого топлива происходили особые сложные реакции. Таким образом это «топливо» значительно отличалось от обычных веществ, используемых при производстве атомной энергии в урановых котлах, — им легко было управлять.

Главным препятствием на пути Гусева была недостаточная изученность работы подобных новых реактивных двигателей. При испытании на земле все шло чрезвычайно гладко: последние конструкции двигателей работали безотказно. В полетах же иногда двигатель выходил из-под власти автоматических приборов, управлявших его работой. Случалось, что двигатель вдруг «отказывался» прекратить работу или выключался.

Он пытался воспроизвести в лаборатории те условия, в какие попадал двигатель на больших высотах и при больших скоростях, но в данном случае, по всей вероятности, лаборатория не могла заменить жизни. И вот тогда-то, убедившись

в этом факте, Гусев решил, что если он хочет продвинуться вперед, он должен выйти из стен лаборатории в самую жизнь и изучить ее. Иными словами, он должен сам лететь в ракете и там в реальных условиях настоящего полета выяснить то, что не удавалось установить в лаборатории.

Ольга готова была поверить в преодолимость этого последнего препятствия. Она убеждала себя, что сейчас нет ничего невозможного для науки и техники, все дело только в сроках. Девушка чувствовала в Гусеве внутреннюю силу и верила в эту силу. Даже неудача, повергающая в отчаяние, должна родить в таком человеке новую вспышку энергии. Ольга представляла себе, каким он может быть в такое время: суровым, молчаливым, ни минуты не отдыхающим вплоть до того момента, пока не будет разгадана причина неудачи и найден новый путь вперед.

Но почему же сейчас в нем нет ничего этого? Он спокоен, добродушен, его не интересует загадочная гибель созданной им сложнейшей машины. Неужели он не понимает всю трагичность положения?

И вдруг Ольга подумала о том, что, может быть, он что-то скрывает под маской добродушия и спокойствия. Может быть, катастрофа непомерно велика, так беспощадна, что инженер просто не хочет, чтобы посторонние поняли ее значение. Он ведет себя так, как будто бы знает наверняка, что никаких следов ракеты все равно не найти. Он знает что-то такое, чего даже и не подозревают все они, люди его окружающие.

Все эти события так сильно занимали Ольгу именно потому, что для нее самой необходимо было решить эти противоречия. Столкнувшись с жизнью, девушка хотела войти в нее как борец и чувствовала, что для этого ей нужно было узнать и понять что-то очень важное.

Незадолго перед полетом новой ракеты, как-то вечером, когда в пустыне потянулись длинные, зловещие тени от каждого бугорка и высохшего кустика, молодые люди, захватив ружья, сели в машину и отправились поохотиться на быстроногих джейранов.

Машина шла не особенно быстро, мягко ныряя в выбоины, почти до краев заполненные легкой душной пылью. Пыльный хвост тянулся сзади, поднимаясь в зеленоватое вечернее небо дымными клубами.

Гусев, управляя машиной, искоса поглядывал на молчаливую девушку, сидевшую рядом. Взгляд прищуренных глаз ее был устремлен вперед, в золотистую дымку горизонта — они ехали почти прямо на солнце.

Что происходит с ней последние дни? Они так просто, хорошо встретились, когда она приехала на полигон, и вот как-то незаметно она замкнулась, отгородилась чем-то. Может быть, он сам виноват в этом? Но что же он такого натворил? Привык тут в пустыне идти на пролом в спорах с директором и его сторонниками по поводу полета ракеты и вот, — извольте полюбоваться, — стал таким толстокожим и неуклюжим, что даже эта прямая простая девушка дичится его.

Всего с час назад Гусев имел очередной неприятный разговор с директором института Смирновым и все еще никак не мог успокоиться. Смирнов, воспользовавшись неудачей поисков ракеты, вызвал сегодня Гусева и предложил ему тщательно продумать вопрос о предотвращении возможных взрывов ракет во время старта на полигоне. «Не намерен остаться без такого талантливого конструктора, как вы...» — послушливо сказал Смирнов. Странная забота о благополучии Гусева! Точно директору невдомек, что взлет ракеты — это давно и притом блестяще решенная задача. Ясно куда он клонит — уж если надо опасаться взрыва ракеты на старте, то намерение Гусева в недалеком будущем полететь в таком аппарате — это просто чистейший вздор.

— Алексей Иванович, — вдруг произнесла Ольга, — мне кажется, работая со своими ракетами, вы рискуете иногда... — она помедлила и добавила, все еще глядя куда-то вперед, в слепящую даль, — рискуете даже жизнью...

Гусев так долго молчал, что девушка с интересом оглядела ставшее каким-то отчужденным и жестковатым лицо человека, сидевшего рядом с ней.

Ольга глядела на него с каким-то странным лихорадочным блеском в глазах.

— Есть вещи, о которых с вами нельзя говорить... — медленно сказала девушка.

— Да, есть, — твердо ответил он.

— Я никогда не переступала дозволенных границ, — она через силу улыбнулась, и Гусев, не глядя на нее, почувствовал эту натянутую улыбку по тону ее голоса, — но сегодня я хочу говорить о недозволенном... Вы хотите перейти какую-то черту, какой-то предел, который люди еще не в состоянии преодолеть. Мне бывает страшно... страшно, когда я начинаю думать, что вы можете когда-нибудь... исчезнуть, как ваша эта ракета...

Девушка испуганно глянула на инженера — не слишком ли она прямо высказывает свои мысли? Ей показалось, что сейчас последует вспышка гнева, которая не даст ей закончить всего, что она приготовилась сегодня сказать.

Гусев упрямо покачал головой, не отрывая взгляда от дороги.

— Я не погибну. Я хочу жить. Но я хочу жить по-настоящему.

Вдруг он резко крутнул баранку руля, вывел машину с пыльной дороги на обочину и, повернув от солнца, резко затормозил.

Он легко коснулся рукой плеча девушки, словно рядом с ним сидел его товарищ.

— Может быть, я никогда не говорил вам всего, — тогда это моя ошибка...

— Я хорошо знаю конструкцию ракеты, — заторопилась она, — вы говорили мне о последнем улучшении двигателя.

Он медленно отрицательно качал головой, и Ольга замолкла.

— Чего же вы мне не сказали? — тихо спросила она. — Если это государственная тайна, — я не хочу знать...

— Нет, это совсем другое... Вам просто надо понять одну вещь...

Ольга отодвинулась в угол сидения, откинулась на кожаную спинку, с каким-то недоверием вглядываясь в инженера.

Гусев заговорил, возбужденно похлопывая ладонью по запыленной спинке, не замечая, как пыль скользит по гладкой коже на сидение.

Она должна понять: в новом деле очень часто наступает такой момент, когда вдруг упираешься в стену. И сколько ни бейся, сколько ни выдумывай разных приборов — не перескочишь эту стену. Техника и наука кажутся бессильными преодолеть запретную черту с теми средствами, какие есть в их распоряжении. Это не та черта, о которой говорила Ольга, а другая — предел не для человека, а для машины. И когда подойдешь к такой черте, во весь рост выступает человек — его чувства, его воля, как Ольга говорит — «упрямство». В таких случаях бактериолог может впрыснуть себе под кожу новую сыворотку, чтобы доказать ее безвредность и лечебные свойства, как это сделал впервые в истории с сывороткой Пастера наш ученый Гамалея. А вспомните Рихмана и Ломоносова, первыми решившихся поймать молнию. И Рихман тогда поплатился жизнью за эту дерзость, но Ломоносов раскрыл тайну атмосферного электричества и природу северных сияний. Есть сотни примеров... И вот он, Гусев, подошел к такому пределу для техники. Конструкция ракеты проверена десятки раз. Создан изумительный летательный аппарат, но иногда пламя реактивного двигателя разрушает ракету, если она достигнет определенной высоты. Ни один прибор-автомат не объясняет причины, почему до сих пор нельзя покорить

пламя. Вот это и есть предел для техники. Но человек может сломать стену. Недавно сконструирована аварийная кабина, которая может отделиться от ракеты, в случае если ее охватит огонь. Теперь остается только сесть в ракету, изучить условия полета, а потом что-то изменить в конструкции, может быть, создать новые автоматы для контроля неведомых сил, разрушающих ракету, и победить пламя...

— И если у меня не будет смелости перешагнуть черту, — резко продолжал он, — если Смирнов скрутит мне руки и ноги своими приказами — подумайте, кем я тогда буду!..

— Создайте новые автоматы, — страстно сказала Ольга, — пусть приборы расскажут, что делается с ракетами. Но не пускайте собой, своим товарищем...

— А вы спрашивали себя, сколько времени понадобится для создания таких новых, невиданно сложных автоматов? Год, два? Этого мало. Пять, может быть, десять лет... А я могу, скажем, через полгода дать Родине могучую силу. Имею ли я право забыть об этом?

Она молчала. Разве можно было что-нибудь ему возразить? В нем была сила, которой трудно было противостоять.

— Вы напоминаете мне отца, — сдержанно сказала девушка, — с ним также невозможно спорить... Не могу уговорить его лечиться. В тот день, когда вы прилетали к нам, он сделал действительно удивительное открытие — обнаружил, что у Земли существует еще один спутник, помимо Луны... Теперь он и слышать не хочет о лечении. Ну что же, поехали охотиться, Алексей Иванович, джейраны скоро лягут спать...

— Спутник? — переспросил Гусев, — какой спутник?

— Не знаю подробностей. Вначале он ничего не желал объяснять, сутками напролет просиживал у своих приборов... Только перед самым моим отъездом сказал...

— Почему же вы ничего не говорили мне раньше?

— Как-то не пришлось.

— Но что это за спутник? Какого размера хотя бы...

— Не знаю точно, как будто совсем небольшой...

Гусев с какой-то настороженностью смотрел на девушку.

— Уж не предполагаете ли вы, что новый спутник — это и есть ваша исчезнувшая ракета? — с горькой иронией сказала Ольга. — Почему вас совершенно не интересует ее судьба?

Гусев включил мотор и сделал вид, что поглощен тем, как вновь вывести машину на дорогу. Но когда Ольга попыталась уличить его в этой уловке, он с открытой, лукавой усмешкой взглянул на девушку и не думая оправдываться. И снова Ольга ощутила присутствие в нем спокойной, уверенной силы.

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В этот день, еще ранним утром, направляясь к самолету, Буров встретил друга, и тот на ходу перекинулся с ним несколькими словами без тени смущения, словно все шло как полагается и не случилось ничего особенного. Ну хотя бы сказал ему что-нибудь вроде: «Извини, дружище, сам понимаешь, мне сейчас не до тебя».

Это был предел терпению. В этот день пилот не возвращался на полигон до самого вечера. Он честно искал весь день ракету. Когда же в пустыне легли резкие длинные тени, пилот круто развернул самолет и пошел не на полигон, а вокруг него, описывая огромную дугу. Не отрываясь, всматривался он в золотисто-серую даль пустыни, пока у него не вырвалось радостное восклицание — он увидел то, что искал.

Впереди, на ленте дороги, клубилась полоса пыли. Пилот снизил машину до бреющего полета — благо пустыня в этом месте была ровной, как стол, — и погнался за облаком пыли.

В юго-западной части пустыни, где летел самолет, землю покрывали отложения лесса — тончайших легких крупинки почвы. На дорогах автомобили поднимали тучи этой пыли, повисающей в воздухе, как дымовая завеса. Было только одно спасение избежать душного пылевого тумана — обогнать впереди идущую машину и не останавливаться в пути.

Буров ворвался в пылевую тучу, потеряв из виду все ориентиры. И когда он вновь увидел впереди зеленоватое предвечернее небо, он быстро нагнулся к борту и взглянул вниз.

Колеса самолета прошли над головами людей, сидевших в автомобиле. Он видел, как женщина испуганно прижалась к плечу человека, сжимавшего руль. Автомашина резко вильнула, сошла с дороги и остановилась. Бурову показалось, что человек, сидевший за рулем, привстал в машине и яростно грозит ему кулаком.

Но это было только начало. Развернув самолет, Буров повел его теперь уже навстречу машине. Он снизился до последней возможности, вздымая воздушным вихрем от винта целый самум. И снова он увидел, как автомашина поспешно свернула в сторону и остановилась сбоку дороги.

* * *

...Рев винта пронесся, казалось, над самой головой, и Ольга вжалась в сиденье машины. Пыль закрыла степь, небо — все, кроме находившегося совсем рядом Гусева, сразу поседевшего вплоть до бровей, словно он был грузчиком и только что таскал мешки с мукой.

— Что он делает, сумасшедший!— крикнула Ольга, стараясь перекричать рев уходящего самолета. — Он опять повернет на нас?

— Не знаю. Если захочет — повернет.

Гусев ладонью вытер сухие, запыленные губы. Рев винта становился все слабее и слабее.

— Бандит, — сказал он, отплеываясь от пыли, — атаман разбойничий! Мучаюсь с ним пять лет. Сколько он мне клялся, что станет другим человеком, и вот, извольте видеть, опять забавляется.

— Это я виновата, — сказала Ольга.

Алексей резко повернулся к ней.

— Выходит, мне нельзя показаться с девушкой? Так что ли?

— Не знаю, — засмеялась Ольга. — На кого мы похожи — это ужас.

— Вот прогоню-ка я его обратно на грузовую линию, пусть возит мандарины...

Когда они в сумерках подъезжали к полигону и впереди заискрились огни домов, Ольга сказала:

— Но вы все-таки должны мне обещать, что не прогоните Дмитрия Васильевича. Я не хочу, чтобы из-за меня вы ссорились с другом.

— Можете успокоиться — не прогоню. Оставлю его, потому что, к несчастью, мне нужен человек, который во время полета соображает с быстротой звука и даже еще быстрее. Ракета — это не самолет, понятно?

— Но я прошу и не ссориться с ним, — заметила она.

— Вот уж этого не обещаю...

Алексей отправился к другу тотчас, как только распрощался с Ольгой у порога ее дома. Пилот лежал на кровати, закинув руки под голову, и даже не подумал подняться.

Без всякого предисловия инженер сказал:

— Ты сейчас же пойдешь к начальнику полигона и доложишь о случившемся.

Пилот резко приподнялся на кровати.

— К Смирнову?

— Да, к тому самому, которого ты ни в грош не ставишь.

Буров вскочил, схватил ремень и яростно перехлестнул им талию.

— Хорошо, я пойду к Смирнову, я отсижу под арестом сколько положено. Но, по крайней мере, я проучил тебя...

Он принялся натягивать сапог и продолжал шуметь:

— Так было всегда: находится какая-нибудь девчонка — и конец дружбе.. Так было всегда, а я-то, дурак, думал...

— Не желаю знать, что ты думал. Благодарю, что я не отстраняю тебя от работы с ракетами.

— Да что тебе ракеты! — Буров ударил каблуком сапога об пол, загоняя ногу внутрь сапога. — Две недели я, как ишак, топаю по пустыне, ищу твою ракету, переживаю за друга, даю отпор маловеерам... Только и живу тем днем, когда сяду за штурвал ракеты... А он, этот самый «друг» наплевал на все... Нет, ты уже не человек! Ты не человек — ты жених, вот кто ты такой есть!

Буров, надев оба сапога, гремя каблуками, рванулся было к двери, но инженер остановил его:

— В таком виде являться к начальству неприлично — надо застегнуть гимнастерку и причесаться.

Буров хотел что-то сказать, но прямо-таки захлебнулся от ярости. Все же он отправился к зеркалу.

— Недельки через две, после того как ты остынешь, мы свидимся, — заметил Гусев, и в тоне его даже появились обычные добродушные нотки. — Я хочу сказать тебе две вещи, чтобы ты на свободе мог обдумать. Первая вещь: мне необходимо знать, что случилось с ракетой; без этого нечего и думать продолжать опыты. Хотя я и догадываюсь... — он помедлил, подбирая нужные слова, — догадываюсь в чем дело. Но все-таки надо уточнить до конца. Вторая вещь: таким, какой ты есть, за штурвал ракеты не сядешь. Крепко запомни.

И Гусев вышел из комнаты и направился в душевую смыть с себя лесс.

* *
*

Буров получил строгое взыскание: ему запретили летать две недели и отлучаться с полигона.

Днем он работал на подготовке чужих самолетов к полетам, а вечера проводил дома, избегая встречаться с Гусевым и Ольгой.

Однажды он засиделся в темной комнате у окна позднее обычного. Ему до последней степени опротивело добровольное отшельничество, и весь вечер он боролся с самим собой: ему хотелось отправиться к Алексею и, хлопнув его по плечу, сказать, что он признает свою вину.

Луна была где-то над крышей дома, почти в зените, и все здания поселка заливал неправдоподобно яркий голубоватый свет. На черной земле холодным огнем горели под лунными лучами крохотные кусочки слюды, рассеянные в пустыне повсюду. От этих блесков земля казалась чернее и мрачнее, и это навевало тоскливое чувство, усиленное одиночеством.

Служебные и жилые здания полигона стояли на открытом месте. Деревья в этой пустыне никогда не росли, а те, что

успели насадить люди вдоль дорожек и стен зданий — тощие топольки, совсем не давали тени и оставляли открытой для обозрения панораму спящего поселка. Неожиданно Буров увидел, что одно из окон в отдаленном здании радиостанции слабо светится.

По всей вероятности, операторы были заняты какой-то работой в этот поздний час. И вдруг Бурову непреодолимо захотелось перекинуться парой слов с кем-нибудь. Он быстро выпрыгнул из окна и отправился к радиостанции.

Здание было погружено во мрак, за исключением окна, в котором он еще прежде увидел свет. Он хорошо знал расположение помещений и отправился по коридорам, не зажигая огня.

Дверь в операторскую была открыта, и пилот еще из коридора увидел какую-то темную фигуру, склонившуюся над приемником. Тонкий луч карманного фонарика упирался прямо в серую доску аппарата, усеянную ручками и приборами. Так вот почему окно комнаты едва светилось — тот, кто стоял у приемника, решил обойтись без верхних ярких ламп. Тут было что-то неладно, и Буров, летчик-истребитель, привыкший мгновенно принимать решения, быстро и бесшумно вынул из кобуры револьвер и шагнул в комнату. Услышав шум за спиной, незнакомец резко выпрямился. Он стоял в дальнем конце комнаты и не мог видеть лица пилота, но угрожающе приподнятую руку с оружием, конечно, различал. И он стоял, не двигаясь, и ждал.

— Представление окончено, — сказал пилот, — можно разъезжаться по домам. Как прикажете вас называть?

Человек молчал, и Буров попросил его поторопиться с ответом.

Странно знакомый голос сказал из темноты:

— Чистая работа... Нельзя ли убрать оружие, оно мне не по душе.

— Алешка! — заорал пилот, кидаясь вперед.

Он схватил карманный фонарик и направил свет на человека.

Самый настоящий Гусев стоял в луче фонарика.

Инженер спокойно сказал:

— Вот что, Митя, ты мне скоро будешь нужен. Какую бы штуку нам придумать, чтобы Смирнов выпустил тебя с полигона?

— Ты меня наказывал, — сам теперь и придумывай... Что же ты делал здесь?

Гусев молчал.

— Алеша, ты что-то скрываешь, это ясно, — произнес пилот, аккуратно застегивая кобуру. — И я даже скажу, в чем

дело: ты знаешь, где ракета. В этом я убедился, наблюдая за тобой все это время. И сейчас ты слушал или хотел услышать ее сигналы. Ведь аппаратура ракеты с перерывами может работать чуть не два месяца. Она лежит где-нибудь на скале, а мы, как идиоты, гоняем по пустыне и разыскиваем ее там, где ее не может быть... Почему ты не хочешь ее запеленговать?

Алексей все еще молчал, и пилот заметил:

— Ладно, я не сержусь. У тебя свои планы, и я готов не совать в них свой длинный нос... Ты не хочешь, чтобы Смирнов кое-что знал, — вот в чем штука. Уж меня-то не провести.

* *
*

В застекленном цехе возвышалась широкая невысокая труба. Эта было уже собранная хвостовая часть ракеты, установленная стабилизаторами на чугунной площадке пола. Под светлой стеклянной крышей цеха медленно плыл в воздухе силуэт кольца — новая секция ракеты. Она была подвешена на стальных канатах к крюкам крана. Кольцо замерло над трубой и стало медленно опускаться вниз.

Буров в синем просторном комбинезоне с засученными рукавами стоял, подняв голову, и рукой подавал знаки машинисту крана: короткие взмахи кисти — «ниже, ниже»; поднятая рука — «стоп»; опять — «ниже, ниже». Кольцо медленно опустилось и как-то незаметно коснулось трубы.

Все механизмы ракеты уже отрегулировали, оставалось только собрать отдельные секции, и аппарат будет готов к действию. Буров всегда появлялся в сборочном цехе во время подготовки к очередному испытательному полету аппарата. Он следил за сборкой, помогал техникам и инженерам опробовать механизм управления.

Ночной разговор заставил Букова предположить, что инженер задумал какой-то новый опыт с ракетами. И Буров не уходил из сборочного цеха помногу часов, — надо было как следует все подготовить к этому опыту.

Кран покати́л за новой секцией, можно было немного передохнуть. Буров опустился на металлические ступеньки приставленной к собираемой ракете лестницы. Только сейчас по этой лесенке сбегала невысокая девушка в синем комбинезоне и красном платочке — техник и звонким молодым голосом, перекрикивая лязг катившегося под потолком крана, доложила: «Секция легла по отверстиям». Это означало, что новая секция была опущена правильно, отверстия для болтов, имевшиеся в нижней ее части, совпали с отверстиями в уже собранных секциях.

Буров быстро вынул из кобуры револьвер и шагнул в комнату.

Девушка сунула кулачки в карманчики брюк комбинезона, прошла в зад и вперед по чугунной площадке, на которой собирали ракету, деловито запрокинув голову, посмотрела вслед уплывающему крану. Потом она направилась к Васе, находившемуся здесь же. Во время сборки Вася неизменно добровольно выполнял роль помощника Бурова.

В мягком сильном свете, падавшем через стекла крыши, Буров вдруг заметил, как чисты глаза небольшой подвижной девушки. Он вспомнил ее простое имя — Даша. Эх, Даша, Даша! Какая же ты ясная и светлая! И на душе у тебя, верно, светло и спокойно. Счастливая Даша, не знает никаких тревожений, не то что он, Буров.

Вася сдержанно глянул на подошедшую девушку и тотчас сделал вид, что занят рассматриванием убегающего в синеву цеха крана. Вася был полон недоверия к ней. Ему казалось, что девушка пытается снискать расположение Бурова и уж во всяком случае постоянно подчеркивает, что не только он, Вася, имеет право на то, чтобы как можно быстрее и лучше выполнять распоряжения пилота. Они, Буров и Вася, вполне могут обойтись без услуг этой самой Даши — вполне!

Девушка, не вынимая рук из карманов, подняла острые плечики, презрительно тряхнула головой и отошла от Васи.

Буров все еще задумчиво сидел на последней ступеньке лестницы, покуривая папиросу, когда услышал негромкий голос Даши, обращавшейся к нему:

— Дмитрий Васильевич, вам скучно здесь с нами, да?

Девушка стояла перед ним и, всем своим видом, казалось, говорила: «Бедный, бедный Дмитрий Васильевич». Она смотрела немного исподлобья, брови ее были подняты, и она смущенно и сочувственно чуть-чуть улыбалась.

— Вам скучно с нами в цехе, да? — повторила девушка, — помните, вы как-то сказали мне, что мучаетесь, если остаетесь на земле и не летаете... А теперь вам запретили летать. Помните, как вы сказали?

Светлые глаза Даши смотрели с какой-то печалью. Когда то он действительно мимоходом в шутку сказал девушке, что на земле ему жизнь не в жизнь. Буров внутренне насторожился: нехватало еще, чтобы эта девочка утешала его.

— Не помню, — упрямо мотнул он головой.

Даша хотела еще что-то сказать и вдруг торопливо, слиш-ком торопливо и слишком деловито, воскликнула:

— Кран идет!

Буров поднялся со ступенек, пропустил Дашу на лестницу.

Вася подошел, неодобрительно заметил:

— Бегает без толка в зад и вперед...

— Василий, голубчик, — с неожиданным раздражением сказал Буров, — не мешайся не в свое дело.

— Есть не мешаться, Дмитрий Васильевич.

Новое кольцо было уложено на место, и труба вытянулась еще выше. Наверху на площадке лестницы Даша командовала крановщику — укладывала кольцо «по отверстиям».

К месту сборки ракеты приближалась небольшая группа людей — Гусев шел в сопровождении начальника цеха и его помощников. Конструктор всегда пользовался уважением в цехах, обычно здесь его сопровождала небольшая свита ведущих инженеров.

Они остановились около площадки, и начальник цеха, подвижной черноволосый человек с узким смуглым лицом, начал докладывать конструктору о ходе сборки ракеты. Гусев, рассеянно поглядывая по сторонам, кивал головой.

— Алексей Иванович, — сказал в заключение начальник цеха, — если вам необходимо ускорить сборку, мы можем мобилизовать еще два крана...

Конструктор все так же машинально кивнул головой, и начальник цеха обратился к одному из стоявших около людей:

— Через час поставьте на сборку еще два крана...

Гусев, словно очнувшись от забытья, спросил:

— Это для чего же?

— Как для чего? — удивился начальник цеха, — вы хотите ускорить сборку ракет...

— Не обязательно, — сказал Гусев.

— Не обязательно? — недоверчиво переспросил начальник цеха.

— Совершенно не обязательно, — подтвердил конструктор, — торопиться некуда... тем более, что я собираюсь съездить на недельку в горы пожить на обсерватории. Надо немного проветриться.

Начальник цеха быстро, почти сердито сказал:

— Зачем же тогда я форсировал сборку? Люди мне нужны сейчас вот как... — и он провел ладонью по горлу, — цех плана не выполняет. Значит можно снять людей?

— Можно, — сказал Гусев, с таким обидным безразличием, что Бурову очень захотелось сказать ему какую-нибудь резкость.

Во время этого разговора пилот стоял в стороне и не отрываясь глядел на своего друга. Вот так тип! Что он опять затевает? Сейчас, когда работы по сборке можно было бы завершить в два-три дня, он вдруг решил ехать в горы на обсерваторию! Значит, полет ракеты неожиданно откладывается.

Почему?

БУРОВ ПРОИГРАЛ

Даже шторы, похожие на пышную светящуюся пену, не могли спасти от беспощадных солнечных лучей. Начальник полигона Смирнов, суховатый энергичный человек с умными, ясными глазами, сидя за письменным столом, досадливо морщился от яркого матового света, падавшего сквозь шторы на бумаги, которые он разглядывал. Это были записи радиоимпульсов, переданных исчезнувшей ракетой. Импульсы отмечали скорость полета, высоту и другие данные, зафиксированные автоматическими приборами.

Смирнова раздражала жарища пустыни — сегодня был особенно душный день. На севере такой день оканчивался грозой, но здесь гроз почти не бывает. И все-таки Смирнов ощущал томящее беспокойство, какое обычно чувствуешь перед грозой. Он знал, откуда это глухое беспокойство. Давно он уже ждал визита Гусева. Перед запуском исчезнувшей ракеты конструктор сказал ему, что после испытания нового топлива и усовершенствованных двигателей пора приступать к подготовке полетов с людьми.

И вот он, этот беспокойный человек, сидит напротив и ждет, когда Смирнов окончит разглядывать записи. И хотя ракета исчезла — наверное взорвалась, — инженер несомненно собирается шуметь. Он считает свою ракету «Игла-2», как назвали ее на полигоне за ее форму, вполне законченной конструкцией. Ну что же, Смирнов не станет спорить, он будет говорить языком цифр, употребит всю свою логику инженера, которой трудно противостоять. Ракета требует дополнительных испытаний, и эти испытания надо довести до конца, а когда будет этот конец, сейчас трудно сказать, — может быть, через пять, может быть, через десять лет. Смирнов готов предоставить конструктору весь штат инженеров, все цехи мастерских — будет смонтирована любая самая совершенная автоматика для контроля полета, — но итти на безрассудный риск, сажать в ракету человека — это глупости. Сейчас век техники, и чем больше машины будут заменять людей, тем будет лучше. Только так должен рассуждать настоящий инженер.

Директор института откинулся в кресле, быстро провел ладонью по глазам, словно хотел убрать слепящий матовый свет, и спокойно сказал:

— Я сожалею об этой неудаче и вполне понимаю и разделяю ваше огорчение...

Инженер глядел в пол и кивал головой.

— Она поднялась на триста семьдесят километров, — медленно сказал Смирнов.

Конструктор быстро вскинул на директора живой, словно чего-то ожидающий взгляд.

— И она там наверное взорвалась... — продолжал Смирнов.

Инженер снова, уставившись в пол, закивал головой.

— Мы не можем перешагнуть четырехсот километров, — Смирнов встал и заходил по комнате, — какой-то заколдованный рубеж. Три года работы — и только четыреста километров вверх. Послушайте, — резко повернулся он к инженеру, — мы засунем в ракету приборы, контролирующие прочность корпуса на каждом квадратном сантиметре, силу взрыва горючего, мы поставим телевизоры, чтобы отсюда с земли видеть все, что делается в ракете. И мы узнаем, отчего наступает катастрофа...

Гусев безразличным тоном спросил:

— Сколько лет потребуется для создания такого сверхавтомата?

— Я знаю, что вы думаете, — неожиданно резко сказал Смирнов. — Вы мне уже говорили десятки раз — полететь в ракете вам и вашему другу, и сразу все станет ясным... Я вам говорю: да, придет время, — и вы полетите в ракете. Но не сейчас. Такие вещи быстро делаются только в фантастических романах...

Он отошел к окну и приподнял краешек шторы. В комнату дунул горячий ветер, ослепляюще яркая полоска солнца легла на стену.

Директор ждал скандала. Он хорошо знал этого крепкого и обычно спокойного человека — талантливого инженера, во время войны ушедшего в истребительную авиацию, потом конструктора реактивных самолетов, а теперь — ракет. Его трудно было вывести из равновесия, но тому, кто этого достигал, приходилось плохо. «Пусть разрядится сразу» — думал Смирнов, ожидая, с чего начнет его гость: подойдет ли к нему и скажет ему прямо в лицо кучу дерзостей или начнет орать с порога, раскрыв дверь в приемную и нимало не смущаясь посторонних.

И вдруг в комнате послышался негромкий мирный зевок. Даже если бы инженер запустил в него чернильницей, Смирнов не обернулся бы с такой стремительностью, как это он сделал сейчас.

Конструктор «Иглы-2» откинулся затылком на спинку кресла и лениво потягивался.

— Вот что, — сказал он, наконец, выпрямляясь и ударяя ладонями по коленям, — я здорово устал от всей этой кутерь-

мы... Как вы отнесетесь к тому, чтобы отпустить меня на недельку в горы?

Смирнов молчал. Он невольно подумал о том, что в решении Гусева уехать в горы большую роль сыграла Ольга. Он встречался с ней во время сборки ракеты в цехах. Девушка понравилась ему, но он никогда не мог подумать, что конструктор хотя бы на время откажется от своей работы, обычно поглащавшей его без остатка.

— Ну что же, поезжайте, — сказал Смирнов после раздумья, — поезжайте, отдохните.

— Я хотел бы поехать с Буровым, чтобы самому не копаться в моторе во время дорожных происшествий. Нельзя ли его отпустить? Стажировка в качестве водителя будет ему полезна, как вы считаете?

Директор усмехнулся. История с пилотом до сих пор была не совсем ему ясна.

— Это вы послали его тогда ко мне?

— Да. И я хочу завершить воспитательный цикл.

Смирнов вызвал по телефону пилота. Потом он подошел к инженеру и спокойно, чуть холодно глядя на него, сказал:

— Если это конец вашего увлечения ракетными полетами, мне очень жаль. Во всяком случае, она не захочет, чтобы вы когда-нибудь летели, — это ясно.

Гусев усмехнулся:

— Вы угадали — она против...

* * *

Когда Ольга услышала от Алексея, что полет ракеты откладывается по «техническим» причинам, и они едут в горы на обсерваторию узнать, как выглядит новый спутник Земли, она долго пристально смотрела на инженера.

— Ничего не понимаю, — холодно сказала она, наконец, — здесь у вас столько загадочных происшествий, что я уже перестала что-либо понимать... — она пожала плечами, — но что я могу сделать? Мои опыты с космическими лучами зависят от вашей ракеты. Хорошо, я поеду на обсерваторию...

Они уехали в горы ранним утром, собираясь проскочить безлесные скалы, вдоль которых шла дорога, пока камни еще не успели накалиться солнцем. Ольга поместилась на переднем сиденье, рядом с пилотом. Алексей то и дело наклонялся к ним и непринужденно болтал. Эта разговорчивость выводила Бурова из себя. Он держался очень стойко: он с трудом выдавливал односложные «да, да» и «о, конечно», отвечая на шумные восклицания друга, вызванные дикой красотой обго-

ревших на солнце, морщинистых скал. Когда приходилось особенно невмоготу, Буров прибавлял газ на поворотах, и машина начинала кружить по серпантинам дороги с такой стремительностью, что пальцы сидевшей рядом женщины, сжимаемая борт, белели от напряжения.

Машина стала огибать скалу, и Ольга невольно привалилась к плечу водителя.

— Дмитрий Васильевич, — негромко сказала она, — вы чем-то расстроены?

Буров помотал головой, не отрывая взгляда от выпуклого полотна дороги, убежавшего под радиатор:

— Нет... У меня все на месте.

Он на мгновение обернулся к ней, и прядка ее волос скользнула по его щеке.

— А что? — спросил он через несколько секунд.

Дорога, обогнув темную скалу, пошла по ярко освещенному склону узкого крутого распадка. Душный аромат нагретых солнцем камней окутал машину. Там, где дорога, круто уходя влево, огибала распадок, переходя на соседний теневой его склон, мотор снова глухо загудел — пилот прибавлял газ на повороте.

— Любой водитель на вашем месте не стал бы прибавлять газ на поворотах.

— Моя система, — пробурчал Буров, — боитесь кувырнуться с откоса?

— Нет, не боюсь, вы превосходный водитель. Я думаю о другом: в воздухе вы так же ведете самолет?

— Как это «так же»?

— В зависимости от минутных настроений?

Буров резко сбавил газ:

— Что вы хотите сказать?

— Вы собираетесь управлять ракетой, а там ваш «способ» может оказаться неприменимым... мне кажется, — мягче добавила она, — человеку, летящему в ракете, надо быть пилотом особого склада... С крепкой волей и ясной головой... — Ольга помедлила и добавила: — или лучше не летать совсем.

Алексей весело крикнул сзади:

— Полчаса принимаю солнечную ванну и не могу дожидаться конца вашей беседы. Митя, нельзя ли посвятить меня в тайну?

Ольга откинулась на спинку сиденья и полуобернулась назад.

— Мы беседуем об авиации больших скоростей... — спокойно, серьезно сказала она.

Буров ничего не сказал. Он как-то съежился, вдавился в сиденье. Хорошо, он поведет машину, как детскую коляску,

он ни о чем не будет спорить, чтобы не выслушивать оскорбительных нравоучений. А потом он оставит в покое их обоих и будет жить так, как ему больше по душе.

Обсерватория, куда они приехали к полудню, стояла в красивейшем горном уголке, но пилот с каким-то тоскливым чувством поглядывал и на ели и на ледопад, нависший над долиной. К чему эта красота, когда все идет так скверно! Хуже всего было то, что нельзя заметить ничего плохого в Ольге. К нему она относилась с дружеской теплотой. И все-таки он испытывал враждебное чувство к этой женщине: она отнимала у него друга. И хотя Алексей хотел казаться самим собой, но Буров слишком хорошо знал друга, чтобы обмануться: Алексея ничто не интересовало, кроме нее.

Когда они приехали на обсерваторию и Буров повел машину по желтой дорожке меж цветочных клумб, он понял, что все это время вел упорную внутреннюю борьбу с Ольгой и окончательно проиграл эту борьбу.

Он остановил машину у самых ступенек террасы, как заправский шофер, и даже предупредительно распахнул дверцу перед пассажиркой.

Гусев, выскочив из машины, принялся восторгаться горными видами.

— Пошли, Митя, — крикнул он, поднимаясь вместе с Ольгой по ступенькам террасы.

— Надо проверить тормоза, — сказал пилот.

И Алексей, не дожидаясь, пошел дальше.

Буров уселся на подножку с противоположной стороны машины так, чтобы его не было видно с террасы. Закурив папиросу, он задумчиво вдавливал носком сапога в желтый песок гальку. Ну что же, он честно сделал свое дело: довел машину до этого райского уголка. А теперь надо отсюда поскорее убираться.

Глава 7

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

С тех пор как Ольга в последний раз видела отца, он сильно изменился. Сам отец, повидимому, ничего не замечал; она же при встрече едва не расплакалась. Лицо старика осунулось, казалось — еще больше постарело. Пожалуй, только теперь она поняла, как далеко зашла болезнь.

Отец хорошо встретил Алексея. Он долго, горячо тряс его руку, с увлечением говорил о работе обсерватории, несколько раз начинал разговор о своем открытии и замолкал, должно быть, сдерживая себя, чтобы не замучить приезжих долгими разговорами. Видно было, что Алексей ему нравится.

Ольга слушала торопливый рассказ отца о каком-то небесном теле, о том, что он удивит мир своими наблюдениями, и, почти не вдумываясь в смысл его слов, повторяла про себя: «Как он изменился... как изменился!...»

Она так и не поняла, о чем говорил Николай Георгиевич.

Весь день она старалась казаться бодрой и, когда в саду Алексей спросил, что с ней, она с тревогой ответила:

— Отец очень плох. Он сам ничего не замечает, а я вижу. Ему недолго осталось...

— Надо лечиться, — упрямо сказал Алексей.

— Боюсь, что теперь уже поздно. Болезнь перешла в тяжелую, неизлечимую стадию... Я говорила с профессорами...

— Слушайте, Ольга, — тихо сказал он. — Нельзя опускать руки, надо бороться. Я уверен: в какой-то лаборатории, в каком-то институте есть ученые, которые разгадали причину болезни, нашли способы борьбы... Я понимаю — болезнь запущена, но все равно надо использовать малейшие возможности. Я верю в науку, верю в науку и человека. Он возьмется за лечение по-настоящему, и тогда еще посмотрим, кто победит — болезнь или человек.

— А если он не захочет отсюда уезжать? Это открытие задержит его здесь.

— Уедет.

— Вы не знаете отца...

— Я увезу его насильно, слышите?

Ольга невольно улыбнулась — такой был решительный вид у инженера.

Разговор с Алексеем принес девушке некоторое облегчение — у нее появилась надежда, что отец начнет лечение.

*
*

Николай Георгиевич уже несколько лет был занят изучением верхних слоев атмосферы и некоторых явлений, возникающих на больших высотах над Землей и даже в межпланетном пространстве. Последнее время он работал с радиолокатором новейшей конструкции, названным радиотелескопом.

Во время наблюдений за шаром-пилотом Николай Георгиевич совершенно случайно обнаружил явление, поразившее его. Направив зеркало локатора в зенит, он послал в пространство радиолуч. Тотчас на экране радиотелескопа неожиданно возникла довольно сильная вспышка. Это означало, что узкий радиолуч, отбрасываемый в пространство зеркалом локатора, уперся в какое-то тело и, отразившись, был воспринят тем же зеркалом-антенной и воспроизведен на экране в виде вспышки. Вспышка была достаточно сильной,

это не было изображение шара-пилота. По всей вероятности, луч радиотелескопа нащупал крупный метеор, пролетающий у границ земной атмосферы.

Большинство метеоров представляет собою крохотные пылинки звездного вещества. Они настолько малы, что радиолуч локатора не может нащупать их непосредственно. Но, вторгаясь в пределы земной атмосферы, метеоры раскалывают молекулы газа на положительно и отрицательно заряженные частицы и оставляют за собой как бы наэлектризованный хвост. Этот след, значительных размеров, уже никак не мог ускользнуть от радиолуча. Так бывало с микроскопическими метеорами, и в этом случае на экране воспроизводилось как бы изображение столба наэлектризованных частиц атмосферы.

Но с метеором, отмеченным в тот памятный день, дело обстояло совсем иначе. На экране телескопа определился не след, а сам метеор. Это означало, что небесное тело было сравнительно больших размеров. Оно пронеслось по соседству с землей, примерно на высоте в полторы тысячи километров, и так и не попало в более плотные слои атмосферы, где могло бы загореться от трения о воздух.

Каково же было удивление старого астрофизика, когда на следующий день он вновь обнаружил небесное тело, пронесшееся за пределами земной атмосферы.

Старика обуяла обычная горячка. Режим, установленный Ольгой, — спать восемь часов, отдыхать днем минимум два, — сразу был нарушен, и Николай Георгиевич позабыл бы счет часам и дням, если бы дело, которым он занимался, не обязывало его вести строжайший учет времени.

Но вскоре ученый сделал необыкновенное открытие: он установил, что небесное тело, прилетевшее откуда-то из мировых глубин, обращается вокруг Земли, то есть стало спутником нашей планеты...

Это астрономическое открытие произвело ошеломляющее впечатление на человека, казалось, очень далекого от математических формул и космических происшествий, — Дмитрия Васильевича Булова. Тому кто знал этого человека, всегда увлеченного делами земными и притом исключительно практическими, показалось бы несколько странным то, как он реагировал на сообщения Николая Георгиевича об открытии второго спутника Земли.

Обо всех этих событиях старый астроном как можно более спокойно рассказал своим гостям в главном зале обсерватории.

Заканчивая свой рассказ, Николай Георгиевич заметил: — Теоретически возможно даже искусственное создание второго спутника Земли. Давно подсчитано, что если с Земли

удастся выбросить в мировое пространство какое-то тело с начальной скоростью около восьми тысяч метров в секунду, оно при некоторых условиях будет удаляться от земного шара ровно на столько же, насколько будет «падать» под действием силы тяжести. Иными словами, такое тело будет огибать земной шар и никогда не упадет на него, то есть превратится в искусственно созданного спутника нашей планеты... Скорости ракеты нашего общего друга Алексея Ивановича уже недалеко от той скорости, которая необходима для создания искусственного спутника Земли... Но в данном случае мы, надо надеяться, имеем дело с каким-то космическим телом...

Когда Буров услышал все это, он с такой энергией ухватился за спинку впереди стоящего стула, на котором сидела Ольга, что девушка в недоумении оглянулась.

— Прощу прощения, — пробормотал Буров.

Он выглядел каким-то растерянным, во взгляде его, устремленном на старика, было столько горячего любопытства, что астроном, делая свое сообщение, невольно обращался почти только к нему.

Неожиданно Буров наклонился к другу, сидевшему рядом, и горячо зашептал:

— А я-то гонял за ней по пустыне... Ладно, я прощаю тебе все твои фокусы... Занятную шутку ты выкинул.

— Митя, ты о чем? — спросил Алексей, казалось, с неподдельным удивлением,

Буров рассердился:

— Да об этом самом «спутнике».

— Непонятно, — пожал плечами Алексей.

Всю остальную часть сообщения Буров выслушал молча. Вновь он оживился перед экраном радиотелескопа.

Свет погас. Круглое окно экрана мягко светилось темной синевой. Иногда на синем поле появлялась слабая вспышка — изображение метеора. Люди в молчании смотрели на экран. Николай Георгиевич вращал какую-то рукоятку. Неожиданно из-за темного края экрана появилось золотистое пятно.

— Вот он, — хрипло сказал астроном.

Буров резко приподнялся, с шумом упал стул.

— Почему так неясно видно? — спросил Буров. — Можно ли сделать отчетливее?

— Можно, — сказал старик.

Изображение новой звезды на экране как бы сжималось, контуры его становились резче, золотистый оттенок сменился желтовато-коричневым. В синем окне экрана четко определилось угловатое изображение небесного тела.

— Бесформенная глыба, — негромко сказал старик, — должно быть, кусок железа... Из каких глубин вселенной занесло его к нам?

Люди долго молча разглядывали нового спутника. Тишина была нарушена Буровым.

— Вот так спутничек, — он негромко смущенно кашлянул. — Наградили нас таким уродом...

На следующий день утром Николая Георгиевича не оказалось в его комнатах — значит, всю ночь ученый опять не спал, находясь около своих приборов. Это уже было слишком, и Алексей отправился в главный зал для решительного разговора.

Старик сидел там хмурый, злой от усталости, и, казалось, подступиться сейчас к нему нет никакой возможности. Он коротко сообщил результаты своих последних наблюдений: да, его предложения подтвердились — спутник представляет собой кусок металла.

— Забавно, — с добродушными нотками в голосе сказал Алексей.

— Что забавно? — удивился старик, уставившись на собеседника.

— Забавно, — невозмутимо повторил Алексей, — обрести нового спутника — большая удача для нашей старушки-Земли...

Старик посмотрел на него с любопытством, сразу как бы отдаляясь от своих мыслей о необычайном явлении. Этот крепкий спокойный человек нравился ему своей невозмутимостью и способностью не поражаться и не удивляться, по крайней мере, внешне. Эту способность трезво и спокойно относиться к самым невероятным событиям Николай Георгиевич очень ценил в людях. Пожалуй, и ему надо, хотя бы на время, взглянуть как бы со стороны на то, что происходит. В конце концов, охваченный возбуждением, он мог упустить что-то в расчетах.

— Все это очень интересно, — продолжал Алексей, — и как-нибудь на свободе мы еще с вами об этом потолкуем. А сейчас...

И он без всяких предисловий объявил Николаю Георгиевичу, что ему придется бросить свои наблюдения (на белом свете достаточно астрономов, чтобы докопаться до истины) и взяться, наконец, за лечение.

— Бросить сейчас работу? — переспросил ученый.

— Довольно упрямитесь, дорогой, — перебил его Алексей с веселой усмешкой во взгляде, — из этого все равно ничего не выйдет.

— То есть, как?

Старик, подняв седые брови, в изумлении уставился на собеседника.

— Вам придется уехать, — все еще улыбаясь, сказал Алексей.

— Вы это серьезно?

— Конечно.

— А если я... не поеду?

— Вы поедете.

— Почему?

Алексей встал:

— Вы поедете, дорогой. И давайте не будем ссориться.

— Вы мне нравитесь...

Ученый завозился в кресле, оперся худыми руками со вздувшимися синеватыми венами о край стола и встал.

— Идемте прогуляемся, голубчик, — сказал он. — Вы возвращаете меня в жизнь своей бесцеремонностью. Так и хочется занять у вас немного здоровья и силы... Идемте, идемте Алексей Иванович.

Инженер подошел к двери, прихлопнул ее и, повернув ключ, сунул его в карман брюк.

— Давайте говорить серьезно, — сказал он. — Неужели вы не понимаете, на что идете, не желая лечиться?

— Мне поздно лечиться, — спокойно сказал Николай Георгиевич, — болезнь перешла в неизлечимую стадию. Вы сами должны понять, что при этих обстоятельствах бросить работу, не доведя до конца своего открытия, — это предательство перед наукой.

Алексей почти выкрикнул:

— Надо послать все к черту, перевернуть кверху дном институты, покончить с этой болезнью, а не сдаваться на ее милость.

— Поздно, Алексей Иванович. — Старик холодными пальцами сжал его руку: — Я прошу вас не говорить Оленьке о моем положении. Она ничего еще не знает. И знать ей не надо. Для нее это будет слишком тяжело... А вы... молодчина.

Ученый попытался улыбнуться, губы его дрогнули, но из улыбки так ничего и не вышло — глаза остались строгими.

— Я живу только одним — наукой. Жить иначе, думать о себе в моем положении невозможно, ни один человек этого не вынесет. Дайте мне, пожалуйста, ключ.

Алексей молчал. Он столкнулся с тем же упорством, какое владело им в его стремлении лететь в ракете. И, может быть, впервые он ясно ощутил свое бессилие перед подобным упорством в другом человеке. Сможет ли он побороть его волю?

— Ну что же, — помолчав заметил Гусев, — у меня остался последний шанс, и я им сейчас воспользуюсь...

Он внимательно оглядел комнату, и взгляд его задержался на узких окошках, прорубленных в стене в аппаратную, откуда техники управляли электроаппаратурой радиолокаторов.

Понизив голос, инженер очень серьезно сказал:

— Я не хочу здесь раскрывать свои карты, нас могут услышать. Выйдем в сад...

Они долго прохаживались по дорожкам сада, под высокими стрельчатыми тянь-шаньскими елями, так долго, что Ольга стала беспокоиться за результат разговора.

Глава 8

ДВА МИРА

Отец согласился уехать лечиться. Это известие было для Ольги неожиданным. Старый ученый оставлял все свои дела и уезжал в крымский санаторий.

Ольга была так обрадована, что первое время ей не приходило в голову задумываться над причиной столь крутого поворота в решении отца. Что бы там ни было, самое важное, что он начнет скоро лечиться.

Ольгу охватила жажда бурной деятельности. Она помогла Николаю Георгиевичу складывать вещи, переписывала ему какие-то цифры и формулы, искала по его указанию в библиотеке книги, которые он собирался взять с собой. Даже зная от врачей, что болезнь неизлечима, Ольга в эти дни лихорадочных сборов поверила словам Гусева — отец объедет несколько институтов и обязательно где-нибудь найдет ученых, смело ломающих старые взгляды в медицине. И они спасут его.

Позднее она стала спрашивать себя: что произошло, почему отец бросил все и решил ехать? После того памятного дня, когда они впервые увидели на экране локатора новую звезду, Алексей несколько часов беседовал с отцом. Неизвестно, о чем они говорили, — Алексей не пожелал ничего ей сообщить, — но в тот же вечер отец сказал, что он решил на время оставить свою работу и уехать лечиться. Сколько ни раздумывала Ольга о происшедшем, она не могла найти причины такого поступка отца.

Через несколько часов все были уже на аэродроме.

— Как вы тогда сказали — перевернуть кверху дном институты? — усмеялся старик, пожимая руку Алексея. — Я

сделаю все, чтобы прожить еще лет десять — пятнадцать. Сейчас это необходимо...

Ольга слушала отца, стараясь скрыть волнение. Знал ли он о безнадежности своего состояния? Наверно, нет. Она постарается, чтобы и в будущем он оставался в неведении. Но, может быть, и в самом деле все-таки удастся совершить чудо?

* * *

Два месяца со страниц зарубежных пухлых газет так называемой «свободной прессы» не сходили сенсационные сообщения о необычайном космическом происшествии. Сначала это были короткие информации под многострочными огромными заголовками о появлении нового спутника Земли. Вслед за тем слово «спутник» стало непререкаемым модным гостем в рекламных объявлениях (губная помада «Милый спутник», порошок от клопов «Ни шагу без спутника», «Наши подтяжки «Надежный спутник» носит президент» и т. д.).

Потом появились «научные сообщения». Вот содержание одного из них: заокеанская держава направляла в пустыню на территорию одной из «дружественных» стран экспедицию для изучения спутника Земли, а также нефтяных запасов.

Время от времени проскальзывали туманные заявления «нашего шанхайского корреспондента, который, по сведениям из Вены»... сообщал, что появление спутника связано с испытанием нового «сверхатомного» оружия.

И, наконец, на свет божий появились десятки «научных» романов, в которых просто-напросто были фантастично обработаны все перечисленные газетные басни и которые неизменно кончались гибелью мира или по крайней мере трех четвертей человечества.

Потом кому-то пришлось в голову обратить внимание на то, что все газеты Советского Союза, как обычно, заполнены сообщениями об уборке выдающегося урожая, досрочном выполнении плана предприятиями и что только два месяца назад там было без всяких комментариев опубликовано короткое сообщение о наблюдениях советского астронома за новым спутником Земли. Тогда представители «свободной прессы» разделились на два враждующих лагеря, впрочем иногда мирно уживавшихся на одной газетной странице: одни утверждали, что новый спутник — это «рука Москвы», другие, — что это предвестник конца коммунизма в ближайший срок.

Но мало-помалу межпланетное происшествие было забыто, и вскоре известия о нем совсем исчезли в угрожающих вол-

нах сообщений о падении биржевого курса акций; разорительно-низких оптовых ценах и голодных бунтах домашних хозяек; забастовках рабочих и победах наступающих демократических армий в колониальных и полуколониальных странах.

Глава 9

РЕШИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Для всех на полигоне так и осталось тайной, почему конструктор отложил на неделю полет очередной ракеты, зачем ему понадобилось ездить в горы. Все знали огромную работоспособность Гусева и понимали, что дело здесь вовсе не в том, что он решил отдохнуть. Даже для тех, кто был все это время вместе с Гусевым — для Ольги и Бурова, — поездка в горы была совершенно непонятна.

Но едва только они вернулись в городок среди пустыни, как работы по сборке ракеты были вновь ускорены. На сборку поставили три крана, и Буров несколько суток почти не выходил из цеха.

Эта атмосфера лихорадочной деятельности безраздельно захватила и Ольгу. Чувство неуверенности как-то внезапно исчезло, и девушка вместе со всеми принимала участие в снаряжении летательного аппарата в далекий рейс. Она десятки раз проверяла действие регистраторов лучей, вводила различные усовершенствования в способы записи их показаний, установила дублирующие устройства, с помощью которых можно было передавать по радио с летящей ракеты показания приборов дважды по двум различным передатчикам. В ней постепенно зрело спокойное убеждение в успехе дела, и она гнала от себя всякие сомнения.

День, назначенный для полета, Ольга встретила очень рано. Ракета должна была уйти вверх в шесть утра, но уже часа за два до начала полета девушка была в ангаре. Здесь, сверкая зеркальными стенками, помещалась «Игла-2». Ракета была укреплена на стартовой тележке, установленной на рельсах. Стальные отблескивающие полоски рельсов выбегали из широкой двери ангара и уходили вдаль.

Инженеры в последний раз проверяли тот отсек, в сборке которого участвовали. Вместе со всеми Ольга забралась в ракету и прошла в свое отделение. Регистраторы работали четко, прямо-таки безукоризненно. Выкрашенные серой масляной краской в тон стенкам и другим приборам, регистраторы как бы слились с остальными частями ракеты, и это

было приятно Ольге. Это подчеркивало, что ее задача является частью общего дела, над которым работает большой дружный коллектив. И это чувство поддержки укрепляло ее веру в успех. Сколько уже раз ее постигали неудачи, уж кажется, через сколько испытаний пришлось ей пройти! Неужели она не заслужила успеха, хотя бы совсем маленького успеха? Нет, сейчас не может быть провала, она честно поработала, приборы действуют отлично, ракета — совершенный аппарат. Нет, сейчас нельзя, невозможно ждать неудачи.

С этим чувством девушка покинула ракету, когда услышала вой сирены — сигнал прекращения проверки и начала подготовки к старту.

Тракторы медленно выкатили тележку с ракетой под голубое небо. Реденькие светлые облака отражались в зеркальной стенке ракеты, странно вытягиваясь, искажаясь благодаря удлиненной форме аппарата.

Люди отошли в сторону, и тогда тележка медленно двинулась вперед к старту.

Вот уже ракета стоит на стартовом поле, вот вспыхнули струи огня — заработали реактивные двигатели.

Ольга, как во сне, смотрела на все происходящее, остро чувствуя необычность этих событий. Прошло несколько секунд, и ракеты уже нет, а где-то в глубокой синеве растет все выше клубящаяся белая ленточка газов — аппарат с огромной скоростью удаляется от земли.

Они бегут на радиостанцию. Здесь среди измерительных приборов с ожившими, подрагивающими стрелками на светлых шкалах, среди сухо пощелкивающих автоматов, выбрасывающих на пол завитки разноцветных лент с записями сигналов, подаваемых ракетой, к Ольге снова возвращается напряженное беспокойство. Но вот она читает первые показания своих приборов, и беспокойство растворяется, уходит куда-то. Сколько самых различных чувств испытала она в эти минуты. Нет, нет, сейчас уже не может быть неудачи, не должно быть...

Она медленно протягивает зеленую ленточку между пальцев и на-память расшифровывает условные знаки показаний — сочетания длинных и коротких черточек. Вот чистый участок на ленте — никаких знаков нет. Ольга продолжает протягивать ленточку между двумя пальцами. Странно — почему ленточка лишена длинных и коротких черточек? Вот сейчас еще немного, и вновь появятся условные знаки. Но зеленая лента чиста. Странно, надо спросить, в порядке ли приемник. Может быть, сбилась настройка? Вот сейчас, сейчас еще немного — и лента покроется значками...

— Ну вот опять, — слышит девушка глухой, почти лишенный живых интонаций голос Гусева, — она не желает мне подчиняться...

Ольга смотрит туда, по направлению этого голоса. Около черной доски пульта, усеянной цветными глазками, стоит Алексей. Обе его руки лежат на кнопках. В этих руках инженера, протянутых к пульта, чувствуется какая-то деревянная напряженность.

— Опять не желает подчиняться, — почти кричит инженер. И в голосе человека Ольга чувствует и бессильную злобу, и отчаяние, и надежду.

Вдруг инженер резко отдергивает руки от пульта управления ракетой и быстро проходит мимо к двери. Он никого и ничего не замечает. Между бровей легла тяжелая складка.

Люди выбегают за ним, Ольга бросает бесполезную ленту на пол и тоже выходит наружу. Гусев медленно идет по пыльному полю ракетодома, в сторону пустыни. Должно быть, он не сознает, что делает.

«Вот и опять неудача, — мелькает надоедливая мысль в мозгу девушки — неудача, неудача...»

* *
*

В кабинете директора института Смирнова повисло тяжелое молчание. Алексей с посеревшим, как-то осунувшимся лицом сидел в глубоком кресле перед письменным столом и угрюмо разглядывал чернильницу из прозрачной пластмассы, похожую на конструкцию, вырезанную из льда. Смирнов, подняв брови, изучающе разглядывал инженера и чуть заметно с укоризной покачивал головой. Буров, вытянувшись около двери, отчетливо чувствовал, что разговор зашел в безнадежный тупик. Целый час Алексей терпеливо убеждал Смирнова в том, что полет человека в ракете стал необходимостью, без этого двигаться вперед невозможно, невысказано. Последняя ракета поднялась на значительную высоту и там вновь перестала подчиняться радиосигналам, как это бывало уже не раз. Двигатель ее продолжал действовать, несмотря на радиоприказания прекратить работу. А ведь, казалось бы, в этом экземпляре было все предусмотрено, Гусев перестроил управление двигателем, на земле новое устройство работало безотказно, и все-таки что-то случилось. Потом вдруг двигатель перестал действовать, и ракета благополучно опустилась в пустыню. В двигателе были обнаружены неисправности, поломки, но совершенно непонятно, чем они были вызваны. Вышли из строя и некоторые приборы, в

том числе и приборы Ольги. Лабораторные работы, испытания на земле исчерпали сами себя — это было сейчас так ясно. Необходимо было изучать и совершенствовать ракету в естественных условиях полета. Гусев десятый раз твердил: надо выйти из стен лаборатории в жизнь, и тогда можно найти какой-то путь вперед. А Смирнов упрямо говорил — «нет».

«И что он нас не выгонит, — с мучительным недоумением думал Буров, — сколько времени можно так чувствовать себя дураком и топтаться у двери. Нет же, вот, сидит за своим столом и тянет эту волюнку».

— Хорошо, — вдруг сказал Алексей каким-то неожиданно резким голосом, — я скажу вам все. Не хотел говорить, пока не проверил, а теперь скажу...

Он помедлил, глядя на Смирнова горячими глазами.

— Слушайте, — хрипло сказал он, — моя предыдущая ракета вышла за пределы земной атмосферы и превратилась в искусственного спутника Земли. Я решил выжать из нее все и показать, на что она способна. Поезжайте на обсерваторию — сами убедитесь...

Смирнов болезненно прищурился, с любопытством разглядывая инженера.

— Ну, и что же? — наконец спросил он.

— А то, что я воочию доказал, какие громадные возможности таятся в этом аппарате. Правда, ракета разрушилась от громадных перегрузок и превратилась в бесформенный кусок металла. Но все-таки она никогда уже не упадет на землю. Мы, советские люди, впервые вмешались в небесную механику, — вот что это за ракеты. Теперь ученые получают возможность проделать массу опытов с этим спугником.

— Ну, и что же? — с упрямой монотонностью повторил Смирнов.

— Надо скорее осваивать эту конструкцию до конца — неужели даже теперь это непонятно?

— Мне — непонятно.

Алексей молча встал. Встал и Смирнов. Они постояли друг против друга. Алексей с хмурым тупым удивлением разглядывал Смирнова. Тот стоял, строго вытянувшись, и только скулы его слегка потеплели.

Алексей молча повернулся и, тяжело ступая, пошел к двери. И вдруг, у самого порога он обернулся и с какой-то удивленной, почти растерянной усмешкой спросил:

— И чего я с вами ругаюсь? Зачем это, а?

— Не знаю, — послышался упрямый холодный голос Смирнова,

— Послушайте, да вы же по ошибке сидите на этом

месте!.. Просто по ошибке. Вам надо чертить в конструкторском бюро, или по готовым таблицам считать прочность балок, или делать еще что-то в этом роде. Там вы будете получать благодарности — по одной каждый месяц. Ей-богу, каждый месяц по одной. А здесь для вас только одни неприятности..

Глава 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Собрав все данные испытаний ракет, Гусев решил выехать в Москву — хотел попытаться убедить Министерство в необходимости вести дальнейшие работы по его планам. Вместе с инженером решила уехать и Ольга. Больше ей нечего было делать здесь: последний комплект регистраторов лучей, поднимавшийся в ракете, вышел из строя.

Незадолго до отъезда Алексей зашел к Ольге.

— Пройдемтесь, — сказал он, — простимся с пустыней, вечер-то уж очень хорош.

Ольга накинула жакет, и они вышли на улицу поселка. Они шли молча, каждый погруженный в свои мысли. И как-то так получилось, что, не сговариваясь, они свернули к шоссе и вскоре поднимались на пригорок, за которым лежал ракетодром. И когда они поднялись к вершине холмика и сбоку дороги показались ангары и установленные на козлах для испытания реактивные двигатели, Ольга остановилась.

— Помните, мы проходили здесь, когда я впервые приехала к вам, — сказала она, — и опять мы попали сюда...

В чистом вечернем воздухе за ракетодромом обманчиво близко проступали фиолетовые складки гор. Глядя на горы, девушка вспомнила, как несколько недель назад здесь же ее охватило радостное чувство: впереди все будет хорошо. И вот это «впереди» настало.

И она неожиданно сказала:

— Что же мне теперь делать?

— Бороться, — просто сказал Алексей.

— Я на какой-то мертвой точке...

— Не вы, а техника... Значит, надо ломать негодные методы работы...

Алексей смотрел на ракетодром, сузив глаза. Какое-то суровое, упрямое выражение было в его взгляде, во всем его лице.

Не поворачиваясь к Ольге, он сказал:

— Надо лететь в ракете. Это надо и для вас...

— Но это же риск...

— Да.

Алексей все еще смотрел вдаль, сузив глаза, словно в лицо ему дул резкий холодный ветер.

— Для вас риск, — повторила девушка.

— Да.

— Нет, — сказала Ольга почти резко, — я не могу помочь вам в этом... Мне лучше уехать отсюда и никогда не возвращаться.

Алексей с явной насмешкой в голосе сказал.

— У нас есть физики, считающие, что самое важное — формулы и расчеты, даже если они не помогают сделать практического шага вперед... Я не против математики, но и физикам надо идти в настоящую жизнь, а иногда и не бояться риска... Вас, должно быть, этому никогда не учили...

Они возвращались в поселок молча, оба расстроенные неудавшейся прогулкой.

А через два дня они уже сидели в самолете, направлявшемся в Москву. Ольге хотелось держаться с Алексеем просто, спокойно — так, точно ничего не произошло. Но это никак не удавалось. Их разговор часто обрывался. Ольга искала подходящих слов и не могла найти их. Алексей, казалось, ничего не замечал. Он был сумрачен, молчалив, погружен в свои мысли.

И только перед самой Москвой он неожиданно оживился.

— Я все продумал, — сказал он, — ваши регистраторы лучей надо будет вынести во второй отсек и укрепить рядом с пультом. Кроме того, нужны и еще кое-какие приборы, дублирующие показания ваших регистраторов.

Ольга с изумлением глядела на Алексея.

— Почему такая перестановка? — спросила она, на мгновение позабыв, что решила больше не возвращаться на полигон среди пустыни.

— Надо сделать так, чтобы во время полета я мог лично контролировать работу приборов... Понимаете — лично, а не при помощи автоматической записи, как бы она хороша ни была.

Ольга промолчала. Она не хотела вновь вступать в спор с Алексеем. Для нее все уже решено: она сразу же отправится в подмосковный городок, где располагался ее институт, сдаст отчет об опытах с регистраторами и попросит длительный отпуск для лечения отца.

И после этого замечания Алексея девушке пришла в голову новая мысль, еще больше укрепившая ее намерение уехать:

она все это время думала об опасностях на том пути, по которому шел Алексей, о тяготах и трудностях такой жизни, и никогда — о радости творческого труда. Даже если она сумеет переломить себя и останется работать с Алексеем, она будет плохой помощницей ему. Она будет ослаблять его. А допустить этого нельзя.

Алексей вытащил из кармана чертежи и стал объяснять, как, по его мнению, можно расположить регистраторы лучей, чтобы было удобно наблюдать за их показаниями человеку, который полетит в ракете.

После этого разговора Ольга почувствовала себя совсем разбитой. Алексей попрежнему был занят своими делами.

На московском аэродроме она простилась с Алексеем и сразу уехала в городок, где располагался институт.

Здесь ей пришлось провести несколько дней: она сдала отчет о проделанных опытах, добилась отпуска для поездки к отцу. Все эти дела отвлекли ее от тяжелых мыслей. Лишь однажды она вновь разволновалась, получив от Алексея телеграмму, в которой он извещал ее о своем возвращении в пустыню. О том, как решилось его дело, он ничего не сообщал.

Последние часы перед отъездом на юг к отцу прошли, словно в тумане...

И вот она сидит в глубоком кресле самолета, и ее окутывает ровный гул винтов, такой монотонный, что временами его перестаешь замечать. Она неотступно думает о схеме применения регистраторов лучей, которую ей показал Алексей накануне отъезда.

Даже тогда, когда она взглядывает в иллюминатор и видит затянутые туманной дымкой горы или слушает гул винтов, ее мысль продолжает работать все в том же направлении. Но что она может придумать сейчас? Нужен полет в ракете, а потом — дни и ночи напряженного, лихорадочного труда в лаборатории. И тогда, может быть, будут найдены те частицы материи, которые столько лет ускользали от ученых.

И вдруг Ольга, словно проснувшись после тяжелого сна, оглядела пронизанную солнечными лучами длинную пассажирскую кабину с блестящими на солнце металлическими оправами на спинках кресел, оживленные лица людей, обращенные к окнам. Почему она в самолете? Куда, зачем она летит? С отцом пока все благополучно, а там в институте среди пустыни Алексей наверное уже готовится к полету. Может быть они с Дмитрием полетят через два-три дня, может быть, — завтра. Она не спрашивала, когда, и Алексей ничего не говорил ей. Они полетят, а она будет далеко от них. Да разве она

сможет теперь жить спокойно, зная, что там, в ракете, не будет регистраторов лучей! Разве она сможет жить без Алексея, без Дмитрия. Она оставила их в самое ответственное время подготовки к полету. Она думала только о себе и не понимала, что без увлечения делом, без работы над конструкциями ракет, без полетов не может быть Алексея. Как страшно она заблуждалась! Но теперь все ясно: у нее самой есть важное дело, она может и должна с помощью Алексея раскрыть тайну лучей. Разве можно терять хотя бы день, хотя бы час.

Ольга схватила лежавший у нее на коленях макинтош, вскочила и принялась торопливо надевать его. Она никак не могла попасть в рукава, и сосед, удивленно взглянув на нее, встал, чтобы помочь ей.

— Разве вы летите только до ближайшего аэродрома? — спросил он. — Мне кажется, вы говорили, — вам в Крым.

— Я забыла деловые бумаги, мне придется вернуться.

— Вы напрасно торопитесь, до аэродрома еще тридцать пять минут.

— Да, да, — смущенно сказала Ольга, — я посижу...

Усевшись в кресло, она то и дело взглядывала на часы, и когда самолет начал делать вираж над аэродромом, хотела было вновь вскочить, но сосед мягко удержал ее за руку: «Во время посадки лучше быть в кресле».

На аэродроме Ольга торопливо сбежала по ступенькам лестницы, приставленной к самолету, и почти бегом направилась к аэровокзалу. В пустыню, где располагался полигон, самолет шел только через пять часов. Это означало, что Ольга попадет на полигон ночью. А что, если полет ракеты назначен на завтра. Успеет ли она увидеть Алексея и сказать ему, что сейчас же вновь принимается за исследование космических лучей?

«Только бы успеть, — думала Ольга, — перед полетом он должен знать, что я буду работать».

Часы ожидания самолета на незнакомом аэродроме среди степи были мучительны. Она то и дело заглядывала к синоптику и справлялась, не испортилась ли погода, будет ли самолет по расписанию.

Самолет пришел во-время и также точно поднялся, но и в воздухе ее не оставляло тревожное чувство нетерпения. Ей казалось, что степи, а затем извилистые темные хребты внизу проплывают слишком медленно, моторы работают не на полную мощность и машина обязательно прилетит с опозданием.

Ночью по дороге с аэродрома Ольга замерзла в своем легком «крымском» пальтишке. Когда машина подошла к крыльцу

дома, она быстро выскочила на тротуар и бегом поднялась по лестнице на второй этаж. Но в квартире Алексея никого не оказалось. Тогда она спустилась этажом ниже и постучала к Бурову.

Глава 11

ЕСТЬ, БУДЕТ ИСПОЛНЕНО!

После отъезда Алексея и Ольги дни потянулись томи-тельно однообразно. Буров старался весь уйти в сборку ракет, но чем бы ни были заняты его руки, мысли неизменно воз-вращались к одному: какое решение привезет с собою ин-женер?

А тот молчал. Получить хотя бы короткую телеграмму, хотя бы просто привет — и то было бы легче.

Раза два за то время, пока Буров работал в цехе, он встретил Дашу.

В последний раз, храбро глядя на перемазанного машинным маслом пилота, она сказала:

— Дмитрий Васильевич, вы предупредите меня заранее, когда полетите в ракете, хорошо?

— Почему вы думаете, что я полечу?

— Вы полетите, вы обязательно полетите!

Вскоре все на полигоне были взволнованы неожиданным событием: из Москвы приехала комиссия. Буров почувство-вал, что повеяло свежим ветром. Особенно пришелся по душе пилоту председатель комиссии. Это был невысокий, плотный, с глубоко посаженными маленькими глазами человек, очень спокойный и очень сдержанный. Он провел несколько часов в директорском кабинете, а затем пошел по лабораториям и цехам. Около ракеты Смирнов попы-тался что-то сказать, но председатель комиссии сдержанно сказал: «Да, да, хорошо» — и директор замолчал. И объясне-ния при осмотре ракеты пришлось давать Бурову. Похоже было, что в институте появился новый хозяин. «С этим дядей можно работать» — решил пилот.

Но комиссия как-то неожиданно уехала через несколько дней, и казалось, на полигоне все пойдет попрежнему.

Конструктора еще не было, когда сборка ракеты подошла к концу. Каждый день Дмитрий по привычке приходил в цех и осматривал ракету. Теперь она уже лежала на старто-вой тележке. Нажми пусковые кнопки — и тележка вынесет по рельсам иглообразное тело аппарата на ракетодром.

Сначала заработают ракеты стартовой тележки, потом начнут действовать стартовые вспомогательные двигатели на корпусе самой «Иглы». Отработав положенное, первая стартовая ракета уже в воздухе отвалится от «Иглы», и тогда начнет работать следующая, вспомогательная стартовая. И вот, наконец, хлестнет струя пламени и дыма главного двигателя и... начнется рекордный кругосветный перелет...

Но все это — мечты. Перед кругосветным перелетом должны быть еще испытания. А сейчас изволь сидеть сложа руки и ждать погоды.

С утра полюбовавшись на ракету, пилот весь день слонялся по полигону, не находя себе места.

И вот наконец-то пришла долгожданная телеграмма. Но там была одна строчка: «Митя надеюсь игрушка порядке зпт скоро вернусь». Буров обозлился: ни слова о самом главном.

Целые дни пилот начал проводить в цехе около ракеты (доделок оказалось довольно много) и, конечно, проворонил появление Алексея на полигоне. Он увидел его уже в директорском кабинете, куда был вызван. Инженер сидел за столом, устроившись на ручке кресла, и наспех просматривал какие-то бумаги. Увидев Алексея в этой позе за столом директора института, Буров оторопел. Оказалось, что инженер приехал сюда руководителем — Смирнова сняли. Только теперь пилот начал понимать, что произошли серьезные события.

После шумных приветствий пилот спросил:

— Когда летим?

Алексей как-то странно взглянул на друга, насупился, помолчал. Уж не собирается ли новый директор оставить его на земле?

Пилот побарабанил пальцами по краю стола, сказал сухо:

— Я хотел тебя предупредить: на земле я не останусь. Не могу. Понял?

Алексей слез с ручки, уселся в кресло, долго молчал. Пилот с беспокойством взглянул на друга. Тот сидел, положив на стол оба кулака, и хмуро глядел в какую-то бумажку.

— Получи предписание, — наконец сказал он и протянул листок, на который смотрел, — директор института, то есть я, приказывает тебе совершить испытательный полет...

Буров прочел официальный приказ за подписью и печатью, вытянулся, коротко сказал:

— Есть, будет исполнено!

— Митя, — вдруг тихо, с болью в голосе сказал Алексей, — как у меня плохо на душе...

— Они тебя заставили остаться на земле?

Алексей кивнул:

— Да, комиссия по приемке «Иглы». Я им говорил, что моя конструкция, что я могу отвечать только за себя, и все такое... Ничего не помогло. Приказали в первый полет пустить только тебя.

— Ну, и слава богу, — засмеялся пилот, — получается все очень хорошо.

— Первые испытания приказано провести на очень небольшой высоте, — сказал Гусев, — а в главных испытаниях я, наверное, добьюсь разрешения участвовать самому...

Полет состоялся через несколько дней. Почти никому на полигоне не объявили об этом событии. Первый полет человека в ракете «Игла-2» прошел очень буднично. Он продолжался всего шесть минут. Ракета поднялась и, сделав круг над пустыней, благополучно опустилась на парашютах неподалеку от места старта. Аппарат вел себя превосходно.

Протокол испытаний был послан в Москву, и вскоре Гусев получил долгожданное разрешение: теперь он мог лететь в ракете вместе с Буровым в более продолжительное испытательное путешествие.

Накануне полета, оставив друга в мастерских заканчивать последние приготовления, Буров отправился домой подготовить личные вещи их обоих. Кроме того, он собирался к приходу Алексея из цехов сервировать стол для плотного ужина; это было необходимо потому, что весь день сегодня они почти ничего не ели.

Он живо обделал дело: постелил на стол новую скатерть, уставил стол посудой. Потом отправился к шкафу за припрятанной бутылочкой крепкого винца.

В дверь кто-то постучал. Буров крикнул «войдите», а сам тем временем, опустившись на колено, шарил рукой по нижней полке в поисках заветной бутылки.

Дверь скрипнула. Он все еще возился у шкафа. Кто это там торчит позади него, будто набрав в рот воды? Он с досадой обернулся.

На пороге стояла Ольга. На ней было темное дорожное платье с красным пояском. В руке она сжимала несколько стеблей ярких цветов. Она сжимала их так сильно, что

цветы слегка вздрагивали и покачивали пышными головками.

Буров поднялся и как во сне, держа в руках запыленную темную бутылку, начал произносить положенные при встречах слова приветствия, усадил Ольгу на стул, попутно нечаянно смахнув со стола на пол чашку, которая, к счастью, осталась цела.

— Дмитрий Васильевич, что с вами? — тихо спросила девушка.

Он молча стоял посреди комнаты. В руках у него все еще была бутылка.

Он сказал невпопад:

— Алексей сейчас придет...

— Митя, что с вами? — мягко и как-то печально повторила Ольга.

Он со злобным отчаянием шумно поставил бутылку на стол.

— Полет разрешен, — сказал он, попрежнему не двигаясь с места.

— Я знала, что так будет, — медленно и как бы с трудом выговорила она.

Буров присел на диван и, не глядя на нее, глуховато заговорил.

— Лучше бы вам уехать с полигона, пока мы все это обстригаем. Время будет горячее...

— Зачем вы так говорите, Митя? Вы боитесь, что я буду мешать Алексею, расстрою ваши планы? Неужели вы не понимаете, что его ничто и никто не может остановить! Вы работали с ним столько лет и все еще не узнали до конца...

И вдруг Ольга засмеялась — легко и свободно. Буров в изумлении смотрел на нее.

— Ловите, — воскликнула она, кидая цветы, — ведь это я вам. Всю дорогу только и делала, что оберегала от покушений пассажиров.

Дмитрий с глупым видом повертел пойманный букет.

— Да вы хоть понюхайте, — засмеялась Ольга.

— Здорово пахнут, — растерянно сказал он. И вдруг спохватился: — А как же Николай Георгиевич?

Улыбка сбежала с ее лица.

— На попечении врачей.

— Надежда есть?

— Неизвестно... Ничего неизвестно... Хуже всего, что он знает о безнадежности своего состояния. И все это время скрывал от меня, что знает. Говорят, что он продол-

жает работать там с утра до вечера с книгами, что-то пишет...

Ольга помолчала.

— До сих пор я, кажется, не понимала... сердцем не понимала, — поправилась она, — что таких людей, как отец невозможно, немисливо заставить отказаться от работы. И в этом его сила... И в Алексее это есть, и в вас тоже...

И она неожиданно заключила:

— Я не уеду отсюда. Никуда не уеду.

— А я бы вам советовал уехать, — мрачно сказал Буров.

— Нет, — покачала Ольга головой.

Может быть, впервые Дмитрий ощутил, какая внутренняя сила появилась в этой женщине.

— Знаете что? — сказал он вдруг. — Я договорюсь с ним, чтобы лететь в ракете мне одному.

Она покачала головой:

— Скажите честно, разве он согласится остаться?

Буров долго молчал. Наконец сказал:

— Нет, полетит. Мы оба полетим, чорт возьми...

— Ну вот, теперь вы сказали правду. Он в цехе, да? Я сейчас побегу туда, и мы придем прямо к вам.

Она повернулась и почти бегом вышла из комнаты.

Вскоре она была уже около сборочного цеха. Из широких окон вырвались яркие полосы света, выхватывая из мрака росшие вдоль стен зданий топольки. Гудели станки. День и ночь здесь шла сборка все новых ракет.

Ольга резко открыла дверь цеха, на нее пахнуло теплом, запахом машинного масла. Она пробежала мимо жужжавших станков, отвечая торопливыми кивками на приветствия знакомых рабочих. Задыхаясь, поднималась она по стальной лесенке к застекленной конторке, где в эти дни обычно находился Алексей. Она стремительно распахнула дверцу и увидела его в ослепляющем свете не прикрытой абажуром яркой лампы.

Поставив ногу на стул и наклонившись над столом, он что-то объяснял мастеру, одетому в синий, запачканный маслом рабочий комбинезон. Оба они повернулись, и она увидела усталые серые глаза, остановившие на ней пристальный, изучающий взгляд. Она видела только эти глаза, окруженные глубокой тенью.

Она подбежала к нему, не замечая, как мастер растерянно отступил в сторону и, секунду помедлив, быстро вышел из конторки.

«ТОПАЮ ВВЕРХ...»

Даша торопливо вышла из дому, на ходу стараясь подхватить под косынку волосы. Она бежала по асфальтовой дороге, уходившей через небольшой холм на ракетодром.

Было очень раннее утро. По чистому, прозрачному, словно стеклянному, небу плыли прозрачные, тоже похожие на стеклянные, облака. Они были очень легки, эти облака. И все вокруг было молодо и светло. Так вот каким спокойным, светлым выглядит день, которого с затаенным страхом ждала Даша.

На полигоне в этот ранний час было пустынно, в домах городка люди еще спали. Они, наверное, ничего не знали, так же как полчаса тому назад ничего не знала Даша. Недавно торопливым прерывистым звонком ее разбудила знакомая телефонистка и по секрету предупредила, что сейчас должна подняться ракета. А Буров ничего ей не сказал вчера. Смелый, решительный и такой простой человек...

Поселок еще спал, и только вдали на темном пятне ракетодрома угадывалось оживление — сновали фигурки людей, передвигались машины.

Сзади послышался вой сирены — девушку нагоняла белая санитарная машина, всегда присутствовавшая на старте при испытательных полетах. Даша загородила дорогу, чтобы остановить машину, но водитель резко крутнул баранку руля, и машина промчалась мимо, обдав девушку голубым горячим дымом, пылью.

Даша не пробежала еще и половины пути, когда вдали послышался шипящий звук и на рельсовом пути показалась стартовая тележка с вытянутым иглообразным телом аппарата. И тележка и ракета казались издали игрушечными. Тележка катилась по рельсам, к стартовому полю. Но Даша не поверила, что это уже начало. На минуту она замедлила свой бег, поправляя волосы, потом сорвала с головы косынку, которая никак не хотела завязываться, и вновь побежала.

Тележка докатилась до места старта. Ракета медленно приняла вертикальное положение с помощью кранов особой стартовой башни.

Даше почудилось, что ракета отделяется от башни, но девушка все продолжала бежать, тяжело дыша, взмахивая косынкой. Нет, ракета еще стояла на земле. Быть может, это только проба, и Даша успеет добежать?

И вдруг яркая пламенная струя загорелась около земли, и очень скоро девушка услышала характерный шум, чем-то

напоминающий рев воздушных винтов и в то же время совсем непохожий на него — могучий, казалось, охвативший все вокруг, как бы сразу приблизивший далекий ракетодром.

Очень отчетливо девушка увидела, как ракета отделяется от земли. Вот ракета уже в воздухе. Неожиданно белая струя клубящегося дыма словно уперлась в землю — заработал главный двигатель. В следующее мгновение дымная струя, на верхнем конце которой виднелась темная черточка ракеты, хлестнула вверх, вытягиваясь, слегка изгибаясь. Было похоже, что кто-то закинул в небо гигантскую разворачивающуюся, серебристую ленту. Но лента все не хотела падать, а забиралась вверх, вверх, и где-то в страшно слепящей высоте вытягивалась в стеклянную нитку.

Полет начался.

* * *

В аппаратной, стены которой были заслонены черными щитами с белыми шкалами приборов, отчетливо был слышен голос Бурова:

— Топаю вверх... Земля в молочной дымке, небо почти черное, видны звезды...

Ольга напряженно слушала то, что говорил черный репродуктор голосом Дмитрия.

Потом репродуктор замолчал.

— Игла, Игла! — раздался спокойный, только словно чуть надтреснутый голос Ольги. — Игла, почему молчите?

— Игла, Игла, — повторила женщина.

Что-то глухо щелкнуло в репродукторе, и послышался громкий голос пилота:

— Все в порядке... Иногда занят, поэтому не отвечаю.

Голос из репродуктора продолжал сообщать подробности полета. Дважды связь прерывалась, пилот был чем-то занят, но через двадцать-тридцать секунд вновь раздавался спокойный голос:

— Порядок, топаю выше...

Потом связь прервалась в третий раз. Репродуктор молчал десять, тридцать секунд. Стрелка хронометра прыгала с секунды на секунду, а радио все еще молчало.

Ольга подошла к микрофону и стала вызывать радиостанцию ракеты:

— Игла, Игла...

— Я Игла, — неожиданно сказал репродуктор. — Эти слова записана точка в точку. Мощность моторов непредвиденно возросла. Контрольные автоматические приборы записи мощности вышли из строя — нехватает их диапазона. Вот

Все кончено — опоздала...

почему ракеты с автоматикой не могли проконтролировать это явление. Остается добавить...

Репродуктор замолчал, стрелка хронометра, похожая на усик насекомого, прыгала по кругу. Две, три, четыре... восемь секунд... сорок... минута... минута десять... минута двадцать...

Ольга резко нагнулась к микрофону и упрямо, глухим голосом, стала повторять:

— Игла, Игла, я Земля, Игла...

Стрелка-усик вздрагивала, отсчитывая секунды...

Глава 13

СКАЧОК СКОРОСТИ

Первые секунды полета в ракете в сущности не отличались от полета в самолете.

Ровный гул где-то за стенкой кабины был сначала похож на шум огромного вентилятора. Затем, когда ракета оторвалась от башни, гул усилился, превратился в приглушенный рев, напоминающий грохот воды на скалах большого водопада. И тотчас возросшая сила тяжести придавила людей к креслам. Полет начался.

Все это время Буров ощущал, что голова его необычайно ясна, чувства обострены. Так бывало во время опасных полетов на истребителе в дни боев. Он выполнял все несложные операции автоматизированного управления ракетой и его движения были спокойны и четки, точно всю жизнь он только и занимался испытательными полетами в ракетах.

Гусев, не отрываясь, следил за приборами, делал какие-то переключения, что-то записывал на листке бумаги. Буров знал, что мешать ему сейчас нельзя.

В обеих стенках имелись окна — узкие, вытянутые овалы с толстыми стеклами. Пока все шло нормально, пилот, всем своим существом прислушиваясь к реву двигателей, глядел в одно из окон вверх. Он знал, что стоит только ворваться какой-то новой, даже самой незначительной, нотке в грохот водопада за стенкой кабины; — он мгновенно положит руку на кнопки управления двигателями.

Пилот прибавил поступление горючего — «Игла» вздрогнула, рев за стеной кабины перешел в дикий вой на одной утомительно постоянной ноте, и люди вновь, как и в момент взлета, почувствовали, что их придавливает к сиденьям. Двигатели работали отлично. Поведение двигателей — вот что

сейчас интересовало Бурова и Гусева. От двигателей зависело все. Несколько лет Гусев со своими инженерами бился над тем, чтобы заставить реактивные двигатели работать не секунды и минуты, как это было не так давно, а часы, и притом многие часы. Скорость, управляемость ракеты, взлет и посадка — все зависит от того, как ведут себя двигатели.

Скорость ракеты уже в пять-шесть раз превышала скорость звука. Облака, по которым можно было бы отмечать движение ракеты, остались на дне бездны глубиною во много десятков километров. Только по изменению цвета неба можно было понять, что ракета непрерывно уходит от Земли. Небо стало черно-фиолетовым, основная толща земной атмосферы осталась внизу, и солнечные лучи уже почти не рассеивались поредевшими молекулами газа.

Буров нагнулся к иллюминатору. Перед ним открылся черный овал неба, усыпанный звездами. Солнце было где-то сзади и сверху. Лучи его проникали внутрь кабины через противоположный иллюминатор. Сочетание яркого солнечного пятна на стенке кабины и черного овала звездного неба было необычайно красиво.

Могучий и ровный шум водопада за стеной кабины успокаивал Бурова. Скорость ракеты намного превысила скорость звука, и надо было включать радио. Пилот сказал в ларингофон:

— Алеша, разреши включить Землю?

Гусев не отрывался от приборов, контролирующих работу мотора. Дела шли хорошо, и все-таки он продолжал держать свое внимание в сосредоточенной собранности. Вопрос пилота отвлекал его, но он, командир корабля, одобрительно подумал, что Дмитрий безукоризненно четок в каждой мелочи.

— Включай! — коротко приказал он.

Голос Ольги в наушниках, отвечавший на вызов, заставил Алексея едва заметно вздрогнуть. Продолжая наблюдать за приборами, он тепло улыбался: Ольга с ним — это очень хорошо.

«Игла» поднялась уже на семьсот с лишним километров, а моторы продолжали действовать все с той же четкостью.

Светящаяся красная полоска на указателе скорости зигзагами ползла по темному экрану — скорость «Иглы» непрерывно возрастала. Красная линия подбиралась к допустимому пределу, отмеченному светящимся синим кружком. На этом пределе должны были начать действовать сконструированные Алексеем автоматические ограничители скорости. Эти автоматы,

много раз выверенные на земле и затем в полете испытательной ракеты без пассажиров, действовали безотказно. И все же оба человека ощущали напряженное беспокойство в эти критические секунды.

Но вот рубиновый зигзаг коснулся синего глазка, и тотчас шум горячей газовой струи, вырвавшейся из сопла, заметно спал.

Буров резко откинулся на спинку кресла и сказал в микрофон.

— Земля, Земля. Был занят, продолжаю... Топаем, как на параде, игрушка работает по всем правилам...

Подача горючего в камеру сгорания сейчас уменьшилась наполовину. Скорость ракеты продолжала возрастать, но теперь уже значительно медленнее. Вот красная полоска коснулась следующего — зеленого — глазка, и рев двигателей почти внезапно погас.

Слуховая галлюцинация все еще создавала у людей впечатление, что рев потока присутствует за стенкой кабины. Буров, сняв шлем, спросил, не блаженство ли, в самом деле, нестись вперед, не чувствуя скорости? Алексей с некоторым недоверием прислушивался к голосу друга, удивляясь, как его можно слышать, несмотря на гул в ушах, и тотчас, поняв в чем дело, рассмеялся. И вдруг он уловил какой-то посторонний свистящий звук. Казалось, ракета разрезает воздух и свист исходит снаружи. Но этого не могло быть — ракета летела в разряженной атмосфере. Постепенно свистящий звук становился все определеннее. Люди переглянулись, и каждый понял, что тоже слышит «это».

Алексей внезапно повернулся к доске с приборами — уж не двигатель ли начал работать? Все стрелки и указатели, кроме рубиновой черты отчета скорости, стояли на нулях. И все же свистящий звук за стенкой кабины заметно нарастал, постепенно приобретая характер шума kloкочущего горного ручья, рвущегося вниз по долине меж камней. Это впечатление было так сильно, что воображение Алексея мгновенно нарисовало горную долину, где стоит обсерватория, и каскадами падающий со скалы ручей, неподалеку от зданий. И эта певольная звуковая ассоциация вновь — в который уже раз сегодня! — напомнила ему об Ольге. Там, глубоко внизу, она сейчас неотступно следит за полетом ракеты, жадно вслушиваясь в каждое их слово.

Он почувствовал, как изменилось нечто неуловимое в его восприятии полета. И почти сейчас же его сознание определило, в чем заключалась новизна ощущений: тело как бы

утяжелилось. Это могло быть только в случае внезапного увеличения скорости движения ракеты вверх. И в тот момент, когда он окончательно понял, что происходит, он вдруг почувствовал, что шум за стенкой уже не напоминает больше плеска и клочкотанья ручья, — там многоголосо грохотал и ревел водопад.

Все рычаги управления мотором были в положении «выключено», и командир корабля тотчас понял, что иначе и не может быть: ведь автоматический ограничитель мощности несколько минут назад прекратил подачу топлива и разорвал электроцепь зажигания. И все-таки двигатель работал, и с каждой секундой рев от сгорающего топлива усиливался.

И едва только инженер подумал, что надо посмотреть цепь зажигания — может быть она все-таки не прервана? — Буров, почти вышибив резким ударом дверцу коробки, оборвал провода зажигания около медных гаек контактов. Скрученные золотистые жилки повисли в воздухе, мелко подрагивая, но топливо в двигателях продолжало сгорать. Происходило нечто фантастическое — ничем, казалось, не объяснимое самовозгорание топлива, тоже неизвестно как попадавшего в огневую камеру двигателей, — ведь все было выключено!

И неожиданно сильный толчок бросил его на пол кабины — скорость ракеты резко возросла.

Глава 14

ПОЕДИНОК С ОГНЕМ

Инженер понял, что происходит нечто непоправимое, страшное, и хотел броситься к передатчику, связывающему «Иглу» с Землей, и выключить его, чтобы Ольга не слышала их встревоженных разговоров.

Пилот, перехватив его взгляд, крикнул:

— Выключено, Леша! Будь спокоен, я слежу за связью.

И сейчас же мысль инженера заработала в другом направлении: вот настал тот момент, когда воля человека должна раскрыть то, чего не могла объяснить никакая автоматика. Он быстро включил одну рукоятку за другой — стрелки приборов дрогнули, рванулись с нулей. Сейчас же он привел все рукоятки в прежнее положение «выключено», и стрелки упали на прежнее место. Но рев двигателей не изменился совершенно. И тогда инженер понял, что он потерял власть над машиной.

Топливо как бы самопроизвольно начало выделять энергию, и двигатель работал. Это было невероятно: все предохранительные клапаны были в положении «выключено», стрелки приборов спокойно лежали на нулях, а двигатель грохотал все

сильнее и сильнее. На одно мгновение Алексею показалось, что он находится во власти тяжелого сна. Усилием воли он подавил эту мысль, заставляя себя смириться с невероятностью происходящего. Он должен докопаться до смысла случившегося, он должен что-то сделать.

Но как проникнуть в смысл события, как объяснить, казалось, невероятное?

Оставалась последняя возможность узнать причину происходящего: одеть воздухо- и теплонепроницаемый скафандр и проникнуть через особый люк в камеру, где помещались приборы управления.

Голос пилота что-то кричал в наушниках, но Алексей, занятый у рычагов, не обращал на это внимания. Неожиданно он почувствовал прикосновение руки друга к плечу, и это заставило его вдуматься в слова пилота.

— Скорее докапывайся, что случилось, — кричал тот.

— Митя, я еще ничего не могу понять... Мне надо пройти взглянуть на приборы управления...

Пилот принялся помогать надевать скафандр.

Тоном командира инженер приказал:

— Восстанови связь... Пока ничего не сообщай об аварии.

— Есть! — раздался в наушниках короткий ответ.

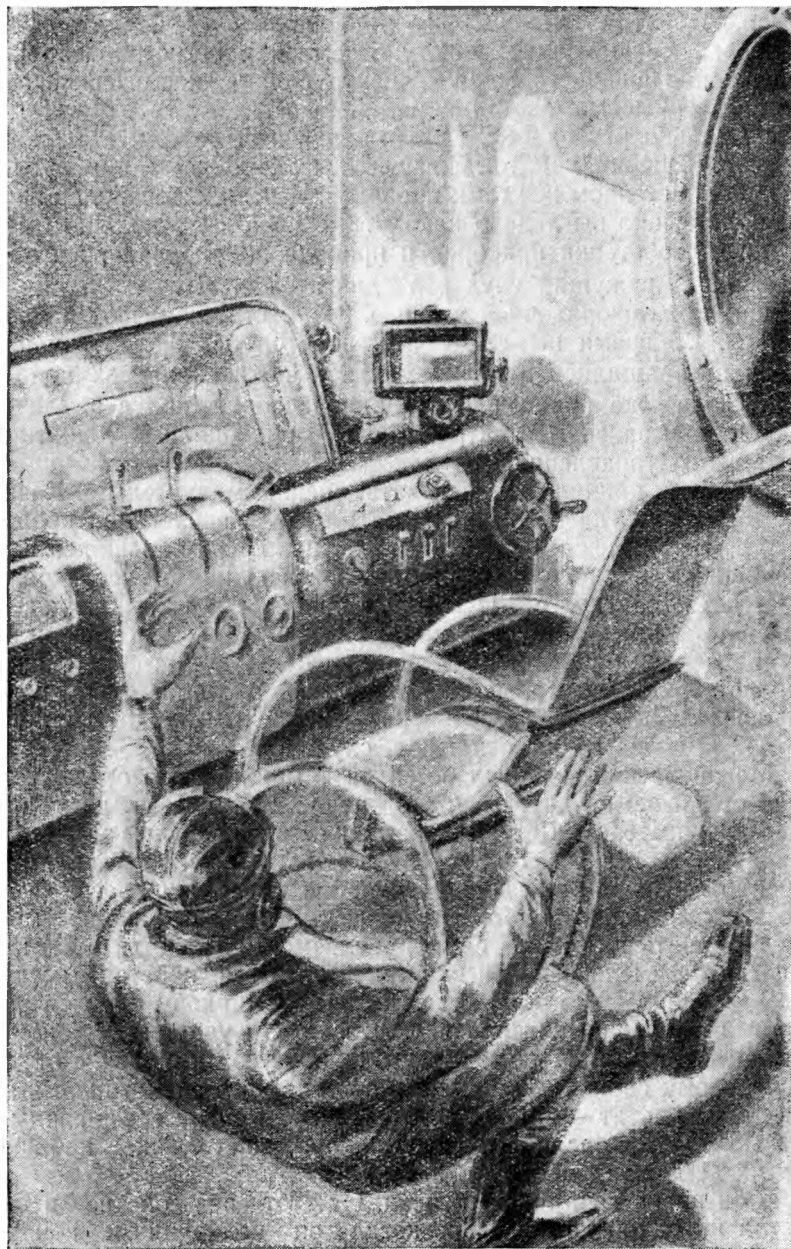
И, надевая скафандр, он слышал, как Дмитрий говорил в лорингофон, обращаясь к «Земле»:

— Чертовски красивое небо, прямо дух захватывает... Если я временами буду молчать, не волнуйтесь, дайте спокойно полюбоваться вселенной...

Готовясь итти к люку, уже одетый в скафандр, Алексей заметил на себе полный тревоги взгляд друга, хотя в словах, которые тот произносил для «Земли», попрежнему звучало, казалось, веселое и безмятежное спокойствие. Пожалуй, только сейчас инженер начал понимать, сколько выдержки и упрямой, непреклонной воли было в этом, подчас казавшемся неуровновешенном, человеке. С внезапным порывом он качнулся тяжелым стальным, застекленным спереди шлемом к другу и неуклюжими, покрытыми резиной и асбестом рукавицами скафандра пожал его руку.

...Шаг за шагом он исследовал каждую деталь ракеты — приборы, детали механизмов, стенки, даже заклепки.

Он медленно прошел через охлаждающий трюм, имевший сообщение с внешним миром, так сказать «радиатор» двигателей. Наклонив застекленный шлем к замку дверцы, ведущей в носовую часть, он долго возился, отпирая ее. Попав в новый

Сильный толчок бросил его на пол кабины.

отсек и захлопнув за собой стальную дверцу, инженер огляделся. В этом помещении размещались дополнительные приборы, связывавшие ракету с землей и регистрировавшие проявления внешнего мира — спектр солнца, космические лучи, загадочные межзвездные радиоволны, магнитное поле Земли... Сколько раз на земле он бывал в этом узком, стального цвета помещении, забитом снизу доверху коробками приборов и словно оплетенном жгутами проводов. И все же теперь, во время полета, оно выглядело каким-то незнакомым, должно быть от того, что стенки приборов и провода вибрировали, в отсек доносился режущий слух рев двигателей. Все здесь жило незнакомой лихорадочной жизнью. Это был механический мозг ракеты. Во время испытательных полетов без людей как раз здесь превращались в радиоимпульсы показания всех приборов. Сюда же принимались радиораспорядки с земли и, преобразовываясь в электросигналы, приводили в движение механизмы управления.

Инженер принялся действовать: внешне медлительно. Казалось, ему никогда не разобраться в этом переплетении проводов, в механических и электрических приборах, таившихся под металлическими кожухами. Но человек упрямо исследовал одну деталь за другой. Некоторые приборы он выключал — потухали лампы, замирали миниатюрные зубчатые передачи — выпадал целый участок механического мозга. И тогда инженер изучающе всматривался в действующие аппараты, прислушивался к гулу за переборкой. Какие изменения это принесло? И снова искал, отключал, слушал.

Механический мозг был бессилён — можно было отключить одно его звено за другим, и это никак не сказывалось на работе двигателей. Детали «мозга» и весь он в целом работали исправно, и все же он потерял власть над двигателями. Именно сейчас с ужасающей ясностью обнаруживалось, что все эти тончайшие приборы и механизмы только внешне могли создавать иллюзию самоуправляемости ракеты, но они никогда не имели над ней власти. И хотя эта простая мысль давным давно уже была высказана Смирнову, инженера охватила вспышка ослепляющего гнева. Он ударил кулаком, затянута в резину, по кожуху ближайшего прибора. Боль вернула ему спокойствие. Он слишком доверялся механизмам, и вот результат — приборы оказались менее совершенны, чем могли быть, если бы, конструируя, он ближе наблюдал их действие.

И он вновь начал свои поиски. На этот раз он не пропустил ни одной детали. Уже когда он подходил к концу

исследований, внимание его было привлечено шкалой регистратора космических лучей — этих элементарных частиц материи, летевших в мировом пространстве неизвестно откуда с огромными скоростями. Регистраторы не успели еще перевести в пилотскую кабину, и они были помещены на старом месте.

Желтая стрелка, отсчитывавшая энергию космических частиц, была заброшена далеко за белое деление шкалы. Конец ее застрял где-то за оправой прибора. Гусев удивлен, но и недоверчиво вглядывался в прибор. Он вспомнил, что примерно вот в таком же положении были стрелки регистраторов космических лучей во время двух аварий с автоматическими ракетами. Тогда необычайное положение стрелок не вызывало недоумения: во время спуска поврежденной ракеты ломались многие приборы. Но сейчас, что могло разрушить регистратор космических лучей?

Инженер откинул кожух, отвинтил стенку прибора и сразу увидел, что передаточный механизм, приводивший стрелку в движение, был весь перекручен, словно чья-то невидимая, злобная рука изломала тонкие алюминиевые скобки и рычажки.

Значит причиной повреждения прибора не мог быть внешний толчок или сотрясение. Какая-то сила, действовавшая внутри прибора, произвела все эти разрушения. И вдруг Гусев понял, что прибор мог выйти из строя оттого, что им была воспринята какая-то доселе неведомая космическая частица, обладающая огромной энергией. Она прошла через прибор, подобно снаряду. И, может быть, даже не одна частица, а множество — целый ливень их.

Какая-то смутная догадка, скорее инстинктивно, чем сознательно, заставила инженера быстро наклониться к прибору и вынуть барабан с лентой, на которой автоматически записывались показания. Он развернул белую полоску бумаги и просмотрел записи. Вот то, что ему нужно — против изломанной пики (след, оставленный пером стрелки во время поломки прибора) инженер прочел цифры, отмечающие время последнего показания прибора. Авария произошла всего несколько минут назад, совпадая с тем роковым моментом, когда самопроизвольно заработали двигатели.

Словно молния, озаряющая мгновенным светом дремучий лес и вырывающая из тьмы утерянную дорогу, вспыхнула мысль объясняющая все: и неожиданные аварии с автоматическими ракетами, и перекрученные стрелки регистраторов космических лучей, и бунт двигателей, несколько минут назад вышедших из-под власти людей. Вот она эта неожидан-

ная догадка: высоко над землей, у границ атмосферы в космических лучах, видимо, есть какой-то неизвестный компонент, какие-то частицы с огромной энергией. Иногда они встречаются на пути очень высоко взлетевшей ракеты или нагоняют ее. Непрерывные удары таких частиц в вещество топлива двигателей вызывают в нем какую-то еще неизученную реакцию, и топливо начинает постепенно отдавать свою энергию. Устройство, предохранявшее корпус ракеты от возможного действия космических лучей, очевидно оказалось не совершенным.

Может быть, это и есть первичные, «настоящие», космические лучи, которые ищет Ольга? Остается выяснить последнее: как топливо попадает в двигатели, несмотря на выключенные рычаги управления?

Гусев, сунув ленту в карман скафандра, резким движением отпер дверь носового отсека, быстро пробрался к камере двигателей. Ему не пришлось долго оставаться здесь, последняя тайна перестала существовать. Все объяснилось очень просто: вентиль, через который поступали в двигатель два составляющих вещества топлива, был испорчен и пропускал топливо в камеру сгорания.

Пройдя в кабину, Гусев вскоре стоял уже перед Буровым. Сбросив скафандр, он передал на Землю сущность своих выводов, стараясь не выдать критического положения ракеты.

— Иди в аварийную кабину, — крикнул Буров, — в случае чего — я тебя сброшу.

Аварийная кабина, последнее изобретение Гусева, представляла собой герметический скафандр на двух человек, отделяющийся от ракеты и оборудованный автоматическим устройством для спуска.

Прошло несколько секунд, заполненных грохотом и ревом. Пилот досадливо задергал шнур ларингофона: слышал ли командир то, что он сейчас прокричал?

— Иди в аварийную! — снова крикнул он.

Алексей медленно покачал головой: нет, он не пойдет.

— Почему, — начиная злиться, прокричал Буров, — почему «нет»?

— Митя, надо постараться сохранить «Иглу», — Алексей ближе пододвинулся к пилоту, словно от этого он мог лучше его слышать. — Мой двигатель должен выдержать бешеную перегрузку. Надо загнать его, понял? Измотать до тех пор, пока не сгорит последняя капля топлива, и тогда сесть... Я должен, наконец, проверить двигателя.

— Ладно, я ее посажу. Иди в аварийную...

Алексей снова покачал головой:

— Нет.

— Я посажу твою ракету по всем правилам, слышишь? Тебе нельзя здесь оставаться.

— Это мой двигатель, и я его хочу сам испытать до конца. Он должен выдержать. Но двоим тут нечего делать, — инженер коснулся плеча друга и легонько подтолкнул его к люку аварийной кабины. — Ну иди... Иди, Митя...

— Оставь! — резко сказал пилот.

Алексей крикнул:

— Я приказываю!

Пилот вдруг съехался и как-то жалобно взглянул на командира корабля.

— Не могу, — покачал головой Буров, — что я им скажу там, на Земле? Иди сам, или оставайся здесь, но я не могу...

Инженер хотел что-то крикнуть, но вдруг махнул рукой и повернулся к пульту управления.

— Отлогий поворот вправо! — скомандовал он.

Буров с готовностью торопливо крикнул:

— Есть! — и принялся выполнять приказание.

Ракета почти незаметно стала описывать огромный круг. Борьба людей со взбунтовавшимся пламенем началась.

Грохот огненной струи, казалось, заполнил все их существо — так он был необуздан. Пламя ревело с неистощимой силой, словно стремясь убить волю к сопротивлению, надежду на то, что когда-то должно же кончиться топливо. Стенки ракеты по соседству с хвостовой камерой нагревались все сильнее, так что даже в дальнем конце кабины чувствовалось их опаляющее дыхание.

Скорость полета невозможно было уже определить: она давно превысила диапазон приборов. Ракета неслась в пространстве, изрыгая длинную струю огня, словно разъяренное мифическое существо. И все-таки два человека продолжали упорную борьбу. Они не думали о том, как им удастся совершить посадку при огромной скорости полета; они забыли об угрожающей опасности. Каждый из них неотступно думал об одном: когда истощится горючее.

...И в конце концов оно иссякло. Пламя, покоренное волей человека, погасло, и тогда наступила странная шумная тишина: казалось, будто где-то далеко обрушиваются на скалы тяжелые потоки воды.

Измученные, полузадохнувшиеся люди, вытирая струившийся по лицу пот, еле держась на ногах, поздравляли друг друга: двигатели выдержали.

Используя остатки топлива ракеты, они привели ее приблизительно в тот район пустыни, где был расположен полигон. Потом они включили парашюты спуска. Они не могли видеть, что парашюты были сильно повреждены огнем, и только через некоторое время поняли, что спуск происходит ненормально быстро.

Глава 15

НЕПОКОРЕННОЕ ПЛАМЯ

Алексей помнил мельчайшие подробности борьбы с непокорным и все-таки смирившимся пламенем. Его сознание работало отчетливо во все время полета вплоть до момента посадки.

Он пришел в себя или, вернее, стал в состоянии двигаться, когда ракета уже лежала на земле. Как ему казалось, он быстро вскочил, хотя в действительности поднялся очень медленно, цепляясь за горячую стенку кабины. В полузабытьи он зачем-то обошел кабину, потом открыл люк наружу и подтащил к струе свежего воздуха тело своего товарища. Он все еще не мог отдать себе ясного отчета в происходящем. Он ходил, действовал, смотрел, слышал, но все это словно скользило мимо его сознания. В таком же полубессознательном состоянии он перевязал кровоточащие раны друга. Сделав все это с педантичной, хотя и неосознанной, точностью, он долго смотрел на взмокшую от крови повязку на руке друга, и только тогда ему пришла в голову мысль, что следовало бы осмотреть и свое тело, чтобы не потерять слишком много крови, если у него есть открытые раны. Он поднял руку, пристально вглядываясь в нее и удивляясь, что он так свободно двигает руками, ногами и головой и на его теле нет никаких ранений, в то время как друг его лежит неподвижно, не издавая ни звука. Тогда он наклонился к груди товарища и долго слушал, досадливо морщась, потому что ему было очень трудно уловить биение сердца на фоне глухо шумевшего в отдалении водопада. Он выпрямился и опять приложил ухо к груди человека. Так он проделал несколько раз, пока порыв ветра, ворвавшийся в открытый люк, не зашелестел клочком бумаги на полу. Алексей выпрямился, сосредоточенно, болезненно морщась, посмотрел на обрывок бумаги и вдруг вновь услышал легкий шелест. Слушая этот слабый шорох, он как-то внезапно понял, что приглушенный отдаленный шум падающей воды — это просто тишина, и что он не слышит биения сердца неподвижно лежащего человека не потому, что мешает

какой-то посторонний звук, а потому что сердце не производит никакого движения — оно остановилось.

Поняв это, он тяжело поднялся, постоял над телом друга, покачиваясь из стороны в сторону, и стал неуклюже выбираться из люка: надо было позвать кого-то на помощь, потому что, может быть, он перестал слышать.

Он не удивился, когда, высунувшись из люка, увидел бегущих к ракете по глинистой земле пустыни людей.

...Прошло несколько дней, прежде чем Алексей оправился. Все эти дни он провел дома, подолгу спал, медленно прогуливался в саду под руку с Ольгой.

Как-то утром Ольге позвонил председатель комиссии по приемке «Иглы» и сказал, что ракета, по указанию конструктора, доставлена на полигон с места ее посадки в пустыне. Он просил не тревожить инженера этим сообщением, если тот чувствует себя плохо.

— Это должно встряхнуть его, — ответила Ольга. — Спасибо, что позвонили.

— Осторожнее, Ольга Николаевна, — сказал в телефонную трубку хриповатый бас председателя комиссии, — в нем, кажется, просыпается жизнь, и как бы нам не погасить ее напоминанием о несчастье.

— Ее нельзя погасить, — с горячей убежденностью возразила Ольга, — невозможно. В нем какое-то неугасимое пламя.

— В таком случае, действуйте, — засмеялся председатель комиссии.

Когда она передала Алексею содержание телефонного разговора, он, наморщив лоб, спросил:

— Разве я давал такое указание? Не помню... Впрочем, хорошо, что они это сделали...

— Но ты сам распорядился... Еще тогда, когда тебя нашли около «Иглы». Это было в моем присутствии, я слышала.

Алексей отрицательно покачал головой.

— Совсем не помню. Так или иначе ракета мне необходима. Надо подумать, как защитить топливо от космических лучей. С этого мы и начнем опять... — И он потянулся, расправляя мускулы, словно после долгого сна. — Оленька, мы скоро начнем... Наконец-то я опять становлюсь человеком.

И помедлив, он деловито сказал:

— Мне нужно сейчас в мастерские. Я вернусь к обеду.

В мастерских его встретили с плохо скрываемой предубежденностью и теплотой. Видимо, люди не хотели напоминать ему о несчастье, но против воли в каждом их слове чувствовалось заботливое, дружеское внимание. Рабочие, техники, инженеры подходили к нему, здоровались, спрашивали,

когда будут следующие заказы по сборке ракет, старались остаться около него. Когда он зашел в свою застекленную контору, люди вместе с ним направились туда же, и как-то незаметно вдруг оказалось, что в комнатухе негде упасть яблоку.

Он положил на стол кипу чертежей и тут же стал прикидывать, что и в какие сроки смогут они сами сделать, не дожидаясь получения основных частей ракет с заводов. В конторке сразу стало оживленно, деловито. Рабочие, получившие заказы, обсуждали вместе с мастерами, как их лучше и быстрее выполнить, обращались к конструктору за советом. И никто не уходил из конторки. Потом Гусев пошел по цехам. Он останавливался у станков, заговаривал с каждым рабочим. Он неторопливо расспрашивал, как работает станок, нет ли у рабочего каких-либо технических предложений, как пойдет изготовление последних заказов.

Из мастерских инженер отправился домой лишь ранним утром, всю ночь просидев за чертежами и расчетами. Он неторопливо шагал по улице поселка, легонько напевая какой-то привязавшийся мотив.

У дома его нагнал Вася Крайнов. Этот паренек только что сдал экзамен на пилота и совсем недавно появился на полигоне в новенькой форме. Последнее время инженер частенько видел его в обществе Бурова.

Вася безукоризненно откозырнул, вытянувшись, как в строю, и попросил его выслушать. На нем скрипели новые необычайно светлые ремни, выбритые щеки, казалось, никогда не могли покрыться щетиной.

Инженер, усмехнувшись, положил руку на плечо молодого пилота и легонько тряхнул его.

— Мы не на плацу, Вася, можешь держаться посвободнее. Говори, что у тебя такое.

— Прошу разрешить летать в ракетах,— все еще чувствуя себя неловко, сказал Вася.— Дмитрий Васильевич хотел допустить меня изучать управление и двигатель.

Лицо инженера стало как-то жестче, словно бы отвердело.

— Тебе рано летать,— сказал он глуховато,— ты только что из школы. А вот изучить материальную часть — это, пожалуйста... Потом когда-нибудь и полетишь...

И когда инженер, назначив время встречи и распростились с Крайновым, пошел дальше, лицо его, освещенное пламенеющим небом, было строго, почти сурово. Но в душе человека поднималось могучее, спокойное ощущение силы и веры в большой успех — все ярче и горячее разгоралось непокоренное пламя...

Через несколько месяцев в газетах было опубликовано сообщение, в котором говорилось приблизительно следующее.

Недавно с территории СССР стартовал летательный аппарат конструкции группы советских инженеров, возглавляемых Гусевым А. И. Аппарат пилотировали Гусев А. И. и Крайнов В. Д. Достигнув границы земной атмосферы на высоте 1020 километров над уровнем моря, аппарат прошел вокруг Земного шара в меридиональном направлении и благополучно приземлился в месте старта.

В сообщении также говорилось о том, что оба участника полета чувствуют себя вполне нормально.